

ТОМАС
ХАРРИС

ГАННИБАЛ

От создателя
культового романа
«МОЛЧАНИЕ ЯГНЯТ»

Томас Харрис Ганнибал

Серия «Ганнибал Лектер», книга 3
Серия «Томас Харрис. От
автора «Молчания ягнят»»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42209613

Ганнибал:

ISBN 978-5-699-84294-0

Аннотация

ТРЕТИЙ РОМАН О ГАННИБАЛЕ ЛЕКТЕРЕ

Феноменальное продолжение романов «Красный дракон» и «Молчание ягнят» было экранизировано знаменитым Ридли Скоттом с неподражаемым Энтони Хопкинсом в главной роли.

Интеллектуальный поединок между Ганнибалом Лектером и Клэрис Старлинг продолжается. Легендарный убийца-каннибал – вот уже семь лет как на свободе. Клэрис Старлинг – специальный агент ФБР – вот уже который год лелеет мечту арестовать его. Но есть и те, кто мечтает о кровавой мести доктору Лектеру. И их изощренные планы далеки от правосудия. Ускользая от своих преследователей, ему все же придется столкнуться со своим главным противником – агентом Старлинг. Сможет ли кто-то из них выйти победителем?

Напряжение в романе растет от страницы к странице: от жаркой перестрелки в начале книги до невероятного финала в Буэнос-Айресе в канун нового тысячелетия...

«Настоящий учебник по искусству создания напряженного сюжета, абсолютный шедевр, который плавно стремится к своей кульминации... Харрис, наверное, лучший на сегодняшний день автор, работающий в этом жанре».

The Washington Post

«Каждый роман Томаса Харриса – это отшлифованное совершенство».

The Times

«Последние два десятилетия 19 века в детективном жанре властвовал Конан Дойл со своим Шерлоком Холмсом. Век спустя тех же высот в жанре достиг Томас Харрис».

Guardian

Содержание

Часть I	6
1	6
2	28
3	33
4	39
5	45
6	58
7	62
8	75
9	86
10	110
11	118
12	135
13	152
14	158
15	163
16	170
Часть II	173
17	173
Конец ознакомительного фрагмента.	182

Томас Харрис

Ганнибал

© Бессмертная И., Данилов И., перевод на русский язык, 2010

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

Часть I

Вашингтон, округ Колумбия

1

*Подумать можно, день такой
Дрожит, боясь начаться...*

«Мустанг» Клэрис Старлинг с ревом съехал по въездной дорожке в гараж рядом со входом в БАТО¹ на Массачусетс-авеню, штаб-квартира которого располагалась в доме, в целях экономии арендованном у преподобного Сон Мен Муна².

Оперативная группа уже ждала, разместившись в трех машинах – помятом, неказистом микроавтобусе, который пойдет первым и на грязно-белых бортах которого были наклеены рекламные щиты с надписью «Крабы Мэрселла», и в двух черных автобусах спецчастей СВАТ³, которые пойдут

¹ БАТО – Бюро по контролю оборота алкоголя, табачных изделий и оружия Департамента юстиции США. (Здесь и далее прим. перев.)

² Сон Мен Мун – основатель и руководитель молодежной религиозной секты «мунистов» (т. н. Объединенная церковь).

³ СВАТ (SWAT – Special Weapons and Tactics) – специальные подразделения некоторых правоохранительных организаций в США, подготовленные и осна-

следом. Все были готовы, моторы работали на холостом ходу, урча в похожем на пещеру гараже.

Сквозь распахнутые задние двери микроавтобуса за Старлинг наблюдали четверо мужчин. Даже в камуфляжной форме она выглядела тоненькой и стройной. Она быстро шла, склоняясь под тяжестью снаряжения, и волосы ее блестели в мертвенно-бледном свете люминесцентных ламп.

– Ох уж эти мне бабы! Вечно опаздывают! – произнес офицер полиции округа Колумбия.

Группой командовал специальный агент БАТО Джон Бригем.

– Она не опаздывает, я позвонил ей, только когда мы получили команду, – сказал он. – И ей пришлось тащиться сюда из Квонтико. Эй, Старлинг, давайте сумку!

Старлинг помахала ему рукой:

– Привет, Джон!

Бригем сказал что-то сидевшему за рулем неряшливо одетому агенту в штатском, автобус тронулся, прежде чем закрылись его задние двери, и выехал на улицу, освещенную послеполуденным осенним солнцем.

Клэрис Старлинг, давно привыкшая к автобусам наружного наблюдения, поднырнула под наглазник перископа и села в задней части салона, поближе к глыбе сухого льда весом фунтов в сто пятьдесят, которая заменяла кондиционер

щенные особым снаряжением, оружием и штурмовыми средствами для действий в особо опасных ситуациях, например при освобождении заложников.

воздуха, когда приходилось сидеть в засаде с выключенным двигателем.

В старом микроавтобусе воняло, как в обезьяннике, – запах страха и пота, от которого невозможно избавиться. За свою жизнь он сменил немало рекламных наклеек, да и нынешние приделали всего полчаса назад. Пулевые пробоины заткнуты лейкопластырем.

Затемненные задние окна снаружи были зеркальными. Изнутри же Старлинг могла видеть сквозь них, как следом движутся черные автобусы СВАТ. У нее была надежда, что им не придется часами сидеть в закрытом автобусе.

Специальный агент ФБР Клэрис Старлинг выглядела на свои тридцать два года, но ей всегда удавалось сделать так, чтобы она смотрелась как можно лучше, даже когда надевала камуфляжную форму.

Бригем достал с переднего пассажирского сиденья блокнот.

– Как это получается, Старлинг, что вас всегда суют в такое дерьмо?

– Да потому что вы сами вечно требуете именно меня.

– Да, сегодня мне нужны именно вы. А то в последнее время вы, черт побери, только и занимаетесь тем, что разносите повестки да приказы на операции. Не мое дело, конечно, только вот, как мне кажется, кое-кто в Баззардз-Пойнт⁴ вас

⁴ Баззардз-Пойнт – штаб-квартира отделения ФБР по Вашингтону и округу Колумбия.

очень не любит. Вам бы надо переходить ко мне. Это мои ребята – агенты Маркес Берк и Джон Хар, а это Болтон из Полицейского управления округа Колумбия.

Осуществление операций силами смешанных групп из оперативников Бюро по контролю оборота алкоголя, табачных изделий и оружия, СВАТ, Управления по борьбе с наркотиками и ФБР явилось вынужденным результатом бюджетных ограничений. В нынешние времена даже Академия ФБР была закрыта по причине отсутствия финансирования.

Берк и Хар выглядели как настоящие оперативники. Полицейский из округа Болтон больше напоминал судебного пристава. На вид ему было около сорока пяти – грузный и нервно-возбужденный.

Мэр Вашингтона, после того как оказался замешан в скандале с наркотиками⁵, желавший всеми средствами продемонстрировать жесткость по отношению к наркодельцам, настоял на том, чтобы полиция округа Колумбия принимала непосредственное участие в каждом крупном антинаркотическом рейде, проводившемся в городе. Отсюда и Болтон.

– Сегодня охотимся на Драмго, – сказал Бригем.

– Эвельда Драмго, так я и знала, – без всякого энтузиазма отозвалась Старлинг.

Бригем кивнул:

⁵ Мэр Вашингтона Мэрион Барри в 1990 г. оказался замешан в скандале (употребление кокаина), был арестован, просидел 6 месяцев в тюрьме и потерял свой пост. Однако в 1995 г. он вновь был избран мэром и пробыл им до конца 1998 г.

– У нее лаборатория по изготовлению «льда» рядом с рыбным рынком «Фелисиана», возле реки. Наш источник сообщает, что сегодня она варит новую партию дури. И у нее уже заказаны билеты на Каймановы острова. Так что времени у нас почти не осталось.

Кристаллический метамфетамин, который уличные торговцы наркотой называют «снежок» или «лед», дает мощный кратковременный балдеж и создает убийственную наркотическую зависимость.

– Дурь – это забота УБН, но Эвельда и нам нужна – по делу о перевозке автоматического оружия между штатами. В ордере на арест указаны пара автоматов «беретта» и несколько «МАК-десять», а она знает, где спрятана еще более крупная партия. Старлинг, вы займетесь Эвельдой. Вы ведь с ней уже имели дело. А ребята будут вас прикрывать.

– Нам досталась легкая работенка, – с некоторым удовлетворением произнес Болтон.

– Думаю, вам надо бы рассказать им об Эвельде, Старлинг, – сказал Бригем.

Старлинг переждала, пока микроавтобус с грохотом переехал через железнодорожные пути.

– Эвельда будет сопротивляться, – сообщила она. – На вид она совсем не такая – она ведь фотомodelью была, но она обязательно будет сопротивляться. Она – вдова Дижона Драмго. Я ее дважды арестовывала по обвинению в рэкете и коррупции, в первый раз вместе с Дижоном.

В последний раз у нее в сумочке был девятимиллиметровый пистолет с тремя запасными обоймами и газовый баллончик да еще нож-бабочка в лифчике. Даже и не знаю, чем она вооружена сегодня.

Во время второго ареста я очень вежливо попросила ее сдать ся, что она и сделала. А потом в тюрьме округа Колумбия она убила другую заключенную, по имени Марша Валентайн, убила заточенной ручкой ложки. По ней никогда не скажешь... ее лицо почти ничего не выражает... Большое жюри пришло к заключению, что это была самооборона.

Она сумела отбиться от первого обвинения в рэкрете и коррупции, а по второму представила смягчающие обстоятельства. Обвинения, связанные с оружием, были сняты, поскольку у нее был новорожденный ребенок, да к тому же ее мужа только что убили на автостоянке на Плезант-авеню, скорее всего банда «сплиффов»⁶.

Я и сегодня предложу ей сдать ся. Надеюсь, она пойдет на это – мы выгядим очень внушительно. Но слушайте внимательно: если Эвельду Драмго придется брать силой, мне понадобится реальная помощь. Спину мне прикрывать не надо, мне нужна реальная помощь, грубая мужская сила. Джентльмены, не воображайте, что вам предстоит любоваться, как мы с Эвельдой занимаемся мадр естлинггом⁷.

⁶ Spliff (англ.) – «мастырка», сигарета с марихуаной. Так же называется одна из крупных гангстерских групп в США.

⁷ Мадрестлинг – грубый вид борьбы; проводится на специальном ринге, напол-

Были раньше времена, когда Старлинг вполне могла положиться на опыт таких людей, как эти оперативники. Но сейчас им явно не понравилось то, что она им сообщила. Она успела насмотреться за свою жизнь такого, что теперь ей было почти все равно.

– Эвельда Драмго через Дижона была связана с бандой «крипсов», – заметил Бригем. – У нее и охрана есть от «крипсов», так говорит наш человек, а «крипсы» занимаются продажей наркотиков по всему побережью. В основном это ее крыша против «сплиффов». Не знаю, что предпримут «крипсы», когда увидят нас. Обычно они стараются не связываться с полицией, если этого можно избежать.

– Вам еще нужно помнить, что у Эвельды ВИЧ-положительная реакция, – добавила Старлинг. – Дижон заразил ее шприцем. Это обнаружилось, когда она была в тюрьме, и она словно с цепи сорвалась. В тот день она и убила заключенную по имени Марша Валентайн и подралась с охраной. Если сегодня она будет без оружия, но начнет сопротивляться, от нее можно ожидать чего угодно: будет плевать, кусаться, может напустить или наложить в штаны, когда вы будете пытаться ее взять. Так что надевайте перчатки, маски – весь стандартный набор. Если будете сажать ее в патрульную машину и положите ей руку на голову, чтоб пригнуть, остерегайтесь иглы, спрятанной в волосах, и свяжите ей ноги.

ненном грязью, часто с участием женщин; обычно такие шоу устраивают в низкочастотных питейных заведениях (*англ.* – mud-wrestling, *букв.:* «борьба в грязи»).

У Берка и Хара вытянулись лица. Полицейский Болтон выглядел очень озабоченным. Он кивнул своим двойным подбородком на основное оружие Старлинг – хорошо послуживший пистолет «кольт» 45-го калибра⁸, модель «гавермент-спешиэл», с приклеенной к рукоятке полоской светоотражающей пленки, который торчал у нее за правым бедром из открытой кобуры типа «яки».

– Вы так и ходите повсюду? Со взведенным курком? – Это его больше всего заинтересовало.

– На боевом взводе и на предохранителе, в любое время дня, – ответила Старлинг.

– Опасно, – сказал Болтон.

– Приходите как-нибудь на стрельбище, я вам покажу, что это вовсе не опасно.

Тут вмешался Бригем:

– Болтон, я сам тренировал Старлинг, когда она три года подряд выигрывала соревнования между агентствами по стрельбе из боевого пистолета. Так что насчет ее оружия можешь не беспокоиться. Кстати, эти ребята из Группы по освобождению заложников, эти ковбои хреновы, как они вас прозвали, Старлинг, когда вы их всех обставили? Энни Оукли?⁹

⁸ В США калибр оружия принято обозначать в сотых долях дюйма. Здесь и далее в тексте: 45-й калибр (0,45) равен 11,43 мм, 38-й калибр (0,38) примерно соответствует 9-миллиметровому, 0,22 – калибру 5,6 мм.

⁹ Энни Оукли – реальное историческое лицо и героиня одноименного вестерна режиссера Дж. Стивенса, очень меткий стрелок.

– Гадюка Оукли, – ответила она и отвернулась к окну.

В этом провонявшем микроавтобусе наружного наблюдения, набитом мужчинами, под их пронизывающими взглядами Старлинг чувствовала себя страшно одинокой. Запахи мужских дезодорантов: «Чапс», «Брют», «Олд спайс», да еще пота и кожи. Ощущала она и страх – на вкус он был как медная монетка под языком.

Образ в памяти: отец, от которого пахнет табаком и дешевым мылом, чистит апельсин складным ножом, у которого кончик лезвия отломан, и делится с ней. Огни задних фонарей отцовского пикапа исчезли в ночи, когда он отправился в последний ночной объезд, во время которого и был убит. Его одежда в шкафу. Его ковбойка.

Несколько хороших вещей в ее нынешнем шкафу она так ни разу и не надела. Грустные выходные платья на вешалках, как заброшенные игрушки на чердаке...

– Через десять минут будем на месте, – обернувшись, сообщил водитель.

Бригем глянул вперед сквозь лобовое стекло и проверил по часам время.

– Посмотрите все на план, – сказал он. План квартала был грубо и поспешно изображен фломастером. Еще у Бригема имелся смазанный поэтажный план дома, присланный по факсу из Департамента строительства. – Здание рыбного рынка расположено в сплошной линии магазинов и складов вдоль реки. Парсел-стрит вот здесь упирается в Ривер-

сайд-авеню, там небольшая площадь, прямо перед рыбным рынком. Видите, здание рыбного рынка задами выходит прямо к воде. У них там есть причал, он тянется вдоль всего заднего фасада, вот здесь. Рядом с рыбным рынком на первом этаже лаборатория Эвельды. Вход вот здесь, спереди, рядом с навесом рыбного рынка. У Эвельды наверняка выставлена наружная охрана, пока она варит дурь, по крайней мере возле ближайших домов. Они ее прежде предупреждали о приезде полиции, так что у нее всегда было время, чтобы спустить весь товар в сортир. Поэтому сегодня группа захвата из УБН, та, которая в третьем автобусе, подходит к дому на рыбачьей лодке со стороны причала – в пятнадцать ноль-ноль. Мы в нашем автобусе можем подъехать ближе, чем кто-либо другой, прямо ко входу с улицы – за пару минут до начала рейда. Если Эвельда выйдет через переднюю дверь – мы ее берем. Второй автобус – наше прикрытие и резерв, семь ребят подъезжают ровно к пятнадцати, если мы не вызовем их раньше.

– Как входить будем? – спросила Старлинг.

Ответил ей Берк:

– Если там все тихо – выбиваем дверь. А если услышим выстрелы или увидим вспышки – тогда «привет из Эйвона». – Берк похлопал по своему дробовику.

Старлинг видела такое. «Привет из Эйвона» – это мощный патрон с гильзой длиной в три дюйма, заряженный мелкими свинцовыми опилками. Он предназначен для вышиба-

ния дверных замков так, чтобы не ранить никого из находящихся внутри людей.

– Как насчет детей Эвельды? Где они? – спросила Старлинг.

– Наш информатор видел, как она отвезла их в детский садик, – ответил Бригем. – Он хорошо знает все их семейные дела, вроде бы даже близок с ней – насколько можно быть близким при безопасном сексе.

Заговорила рация Бригема – у него в наушнике зачирикало, и он, вытянув голову, попытался осмотреть часть неба, видимую сквозь задние стекла.

– Может, они снимают автомобильную аварию, – произнес он в микрофон. Потом сказал водителю: – Вторая группа минуту назад засекала вертолет службы новостей. Ты что-нибудь видел?

– Нет.

– Ох, лучше бы это было дорожно-транспортное происшествие. Ладно, давайте приготовимся. Все в седло, сабли к бою.

Сто пятьдесят фунтов сухого льда не в состоянии охладить пять человеческих тел в металлической коробке автобуса да еще в жаркий день, особенно если на них надета противопульная броня. Когда Болтон поднял руки, лишний раз стало понятно, что прыскать под мышками дезодорантом «Каноз» совсем не то же самое, что принять душ.

Клэрис Старлинг уже давно вшила толстые плечики

в свою камуфляжную рубашку, чтобы облегчить тяжесть кевларового бронежилета, хоть какой-то защиты от пуль. Жилет утяжеляли еще и металлокерамические пластины на спине, равно как и на груди.

Трагические случайности в прошлом доказали ценность такой пластины на спине. Силовая операция, когда вламы-ваешься в помещение вместе с группой, с которой раньше никогда не работал, с людьми разного уровня подготовки, – дело очень опасное. Прешь напролом впереди испуганных парней в зеленом и вдруг получаешь заряд прямо в позвоночник – от собственных коллег.

Не доезжая трех миль до реки, третий микроавтобус свернул в сторону, чтобы забросить группу захвата УБН к месту их randevu с рыбацкой лодкой, а второй автобус отстал на приличное расстояние от первого.

Район здесь запущенный. Треть домов стоит с заколоченными окнами, остовы сожженных автомобилей у тротуаров поставлены вместо колес на ящики. Молодые люди слоняются у входов в бары и магазинчики. Дети играют на тротуаре вокруг горящего матраса.

Если охранники Эвельды находятся снаружи, то хорошо маскируются под местных. Рядом с винными магазинчиками и на парковочных площадках возле бакалейных лавок в машинах сидят люди, разговаривают.

Открытая, низко посаженная «Импала» – в ней четверо молодых афроамериканцев – отъехала от стоянки и влилась

в поток редких машин. Едет следом за первым микроавтобусом. Пассажиры «Импалы» запрыгнули на передок машины прямо с тротуара, уступая дорогу проходящим мимо девицам, от грохота их стереомагнитолы дрожат металлические стенки микроавтобуса.

Наблюдая за ними сквозь зеркальные задние окна, Старлинг скоро убедилась, что эти молодые люди в открытой машине опасности не представляют. «Криспы» в качестве «канонерки», как называют машины охраны и прикрытия, почти всегда используют мощный четырехдверный седан или универсал, достаточно старый, чтобы вписаться в местный антураж; задние окна в нем можно открывать полностью. В нем помещаются трое, иногда четверо. Баскетбольная команда в «Бьюике» производит более угрожающее впечатление, если, конечно, у тебя уже поехала крыша.

Пока ждали зеленого сигнала светофора, Бригем снял чехол с наглазника перископа и похлопал Болтона по колену.

– Глянь вокруг, может, заметишь на тротуаре кого из местных знаменитостей, – сказал он.

«Глаз» перископа замаскирован вентиляционными отверстиями под крышей автобуса. Через него видна только одна сторона улицы.

Болтон повел перископом от упора до упора и оторвался от него, потирая глаза.

– Слишком сильно эта дура трясется, пока мотор работает, – произнес он.

Бригем связался по рации с группой в лодке.

– Им еще ярдов четыреста пятьдесят вниз по реке. Они на подходе, – сообщил он своей группе.

Примерно через квартал, на Парсел-стрит, автобус опять встал на красный свет и стоял там, напротив рыбного рынка, как всем им показалось, очень долго. Водитель повернулся, будто поправляя правое зеркало заднего вида, и сказал Бригему, едва двигая губами:

– Вроде там немного народу, на рынке-то. Так, поехали.

Сменился сигнал светофора, и в 14.57, ровно за три минуты до часа Икс, разболтанный микроавтобус остановился рядом с рыбным рынком «Фелисиана», в отличном месте возле тротуара.

И они слышали скрежет – это водитель врубил ручной тормоз.

Бригем уступил Старлинг место у перископа:

– Проверьте все вокруг.

Старлинг прошлась перископом по всей улице перед фасадом здания. Расставленные на тротуаре столы и прилавки, заполненные рыбой во льду, сверкали под холщовыми навесами. Снэпперы, выловленные на песчаных отмелях у берегов Каролины, были искусно разложены в углублениях между стружками льда, крабы шевелили клешнями в открытых корзинах, а омары в баке лезли один на другого. Хитрый рыборотговец приделал влажные куски губки над глазами крупных рыб, чтобы те продолжали сверкать до того момента,

когда вечером сюда хлынет, приносившая и крутя носами, толпа домохозяек, перебравшихся из карибских стран.

Старлинг заметила маленькую радугу в брызгах воды возле разделочного стола, где типичный латиноамериканец с мощными бицепсами изящными взмахами своего кривого ножа разделывал и чистил акулу-мако, а затем подставил ее под мощную струю, бьющую из шланга. Окрашенная кровью вода хлынула в канаву, и Старлинг услышала, как она течет под днищем автобуса.

Старлинг заметила, что водитель заговорил с рыборотговцем и спросил того о чем-то. Торговец посмотрел на часы, пожал плечами и ткнул пальцем в направлении местной закуской. Водитель с минуту потолкался по рынку, закурил сигарету и пошел к кафе.

Магнитола на рынке играла популярную песенку «Макарена», достаточно громко, так что Старлинг ясно слышала каждую ноту сквозь стенки автобуса; потом она на всю жизнь возненавидит эту мелодию.

Нужная им дверь располагалась справа, двустворчатая металлическая дверь в металлической же раме, перед ней – одна бетонная ступенька.

Старлинг хотела было оставить перископ, когда дверь вдруг распахнулась. Из нее вышел крупный белый мужчина в гавайской рубашке и сандалиях. На груди у него висела матерчатая хозяйственная сумка. И одна рука пряталась за этой сумкой. Следом за ним появился курчавый черноко-

жий. Этот нес на руке плащ.

– Внимание! – произнесла Старлинг.

А за двумя мужчинами появилась Эвельда Драмго – за их спинами виднелась ее длинная, как у Нефертити, шея и красивое лицо.

– Эвельда выходит, идет позади двоих мужчин, они, кажется, вооружены, – сказала Старлинг.

Она не успела быстро отодвинуться от перископа, и Бригем задел ее. Она надела защитный шлем.

Бригем уже командовал в микрофон:

– Первый – всем группам. Начинаем! Начинаем! Она вышла с нашей стороны, мы пошли. Положить всех на землю, максимально тихо и быстро, – приказал Бригем. Он передернул затвор своего дробовика. – Лодка будет здесь через тридцать секунд. Вперед!

Старлинг первая соскакивает на мостовую. Косички Эвельды взлетают в воздух, когда она поворачивается в ее сторону. Старлинг ощущает рядом с собой присутствие мужчин, оружие у них наготове, и они кричат: «Все на землю! Всем лежать!»

Эвельда выходит вперед.

У Эвельды на груди – ребенок в рюкзаке-«кенгуру».

– Нам не надо никаких неприятностей, – говорит она человеку, стоящему рядом с ней. – Подождите, подождите! – Она выходит вперед, королевская осанка, держит ребенка высоко перед собой, на всю длину ремней рюкзака, одеяль-

це свисает вниз.

Надо дать ей дорогу. Старлинг на ощупь сунула пистолет в кобуру, вытянула руки вперед.

– Эвельда! Сдавайся. Иди сюда.

Позади Старлинг рев мощного восьмицилиндрового мотора и визг шин. Вот тебе и прикрытие!

Эвельда не обращает на нее никакого внимания, идет прямо на Бригема, и тут свисающее с ребенка одеяло начинает дергаться и вибрировать – из-под него стреляет автомат «МАК-10», и Бригем падает, прозрачный щиток его шлема весь забрызган кровью.

Грузный белый мужчина отбросил хозяйственную сумку. Берк увидел у него автомат и выстрелил – заряд бесполезных свинцовых опилок, «привет из Эйвона», которым было заряжено его ружье. Он передернул затвор, но не успел. Грузный мужчина дал очередь, буквально перерезав Берка пополам ниже бронежилета, на уровне паха, повернулся к Старлинг, но она ужехватила пистолет из кобуры и, прежде чем он успел выстрелить, всадила две пули прямо в середину его гаванской рубашки.

Выстрелы позади Старлинг. Курчавый чернокожий сбросил плащ со своего автомата и, пригнувшись, прыгнул обратно в дом, но тут удар в спину, как мощным кулаком, швырнул Старлинг вперед и выбил весь воздух у нее из легких. Она резко обернулась и увидела, что «канонерка» «криспов» стоит боком к ней, это «кадиллак»-седан, стекла опущены,

двое стрелков сидят прямо на оконных проемах с противоположной от нее стороны, что называется по-чейеннски¹⁰, и ведут огонь над крышей машины, а третий стреляет с левого заднего сиденья. Вспышки огня и дым из трех стволов, пули свистят вокруг нее.

Старлинг присела между двумя припаркованными машинами, заметила, что Берк корчится на дороге. Бригем лежит неподвижно, под его шлемом расплывается лужа крови. Хар и Болтон вели огонь, засев между машинами где-то на противоположной стороне улицы, а там разлетались вдребезги автомобильные стекла, звеня по асфальту, потом грохнула лопнувшая автомобильная шина, а затем плотный огонь из «Кадиллака» прижал их к земле. Старлинг, стоя одной ногой в канаве, высунула голову из-за машины.

Двое стрелков сидят в окнах машины и стреляют над крышей, водитель тоже стреляет, держа пистолет в свободной руке. Четвертый, что сидит на заднем сиденье, открыл дверцу и втаскивает внутрь Эвельду с ребенком. Хозяйственная сумка теперь у нее в руке. Стреляют в сторону Болтона и Хара, через улицу, дым из-под задних колес «Кадиллака», машина тронулась с места. Старлинг поднялась на ноги, повернулась вслед за движущейся машиной и всадила пулю водителю в голову. Дважды выстрелила по стрелку, что сидел на

¹⁰ Чейенны (шейенны) – племя североамериканских индейцев (группа алгонкинов), известных в XIX в. как искусные наездники, умеющие метко стрелять на скаку.

переднем месте, и того отшвырнуло назад. Выбросила магазин из пистолета и мгновенно вставила новый. Она не отрывала взгляда от машины.

«Кадиллак» вильнул вправо, со скрежетом цепляя припаркованные на той стороне улицы машины, и остановился, уткнувшись боком в одну из них.

Старлинг уже двигалась по направлению к «Кадиллаку». У дальней от нее задней двери по-прежнему сидел стрелок, дико выкатив глаза и пытаясь оттолкнуться руками от крыши машины, грудь зажата между «Кадиллаком» и припаркованным автомобилем. Его пистолет соскользнул по крыше. Из ближнего к ней заднего окна высунулись руки без оружия. Человек в синем головном платке выскочил из машины, подняв руки вверх, и бросился прочь. Она не стала обращать на него внимание.

Выстрелы справа, и бегущий бросается на землю головой вперед, проехавшись лицом по мостовой, потом пытается заползти под стоящую машину. Лопасты вертолетного винта стрекочут над головой.

Кто-то орет в помещении рыбного рынка: «Лежать! Всем лежать!» Люди прячутся под прилавками, вода из брошенного возле разделочного стола шланга фонтаном лупит в воздух.

Старлинг приближается к «Кадиллаку». Движение на заднем сиденье. Машина раскачивается. Внутри орет ребенок. Выстрелы, и заднее стекло рассыпается вдребезги и падает

внутри.

Старлинг подняла левую руку и крикнула, не оборачиваясь:

– Прекратить огонь! Не стрелять! Следите за дверью! Вы, там, сзади, следите за выходом из здания! Эвельда! – Движение на заднем сиденье машины. Ребенок орет внутри. – Эвельда, высуни руки из окна!

Эвельда Драмого вылезает из машины. Ребенок продолжает орать. «Ля Макарена» с грохотом несется из динамиков в помещении рыбного рынка. Эвельда вылезла и идет по направлению к Старлинг, наклонив свою прекрасную голову, руки обнимают тело ребенка.

Берк дернулся, лежа на земле между ними. Теперь это уже слабые конвульсии – он почти истек кровью. Ритм «Макарены» дергается словно вместе с Берном. Кто-то, сильно пригнувшись, подбежал к нему, лег рядом, зажал ему рану.

Старлинг направила ствол пистолета в землю перед Эвельдой.

– Эвельда, покажи руки, ну давай же, покажи руки! Одеяло оттопыривается. Эвельда подняла голову, лицо в обрамлении косичек, темное, как у египтян, и посмотрела на Старлинг.

– А, это ты, Старлинг... – произнесла она.

– Эвельда, не стреляй! Подумай о ребенке!

– Сука! А давай махнемся жизненными соками!

Одеяло завибрировало и задергалось, ударила воздушная

волна. Старлинг выстрелила Эвельде в лицо, пуля попала в верхнюю губу, и задняя часть черепа словно взорвалась.

Старлинг обнаружила, что она почему-то сидит, голову сбоку жутко саднит, дыхание перехватило. И Эвельда тоже сидит на мостовой, склонившись вперед, головой к ногам, изо рта у нее хлещет кровь, прямо на ребенка, ребенок орет, но его крики заглушает нависшее над ним тело матери. Старлинг подползла к ней и ухватилась за скользкие от крови застежки рюкзака. Потом достала у Эвельды из лифчика нож-бабочку, открыла его не глядя и перерезала лямки. Ребенок был весь красный от крови и скользкий, Старлинг с трудом удерживала его в руках.

Прижимая его к себе, Старлинг подняла измученный взгляд. Увидела, что из шланга, брошенного возле рыбного рынка, все еще бьет вода, и кинулась туда, неся окровавленного ребенка. Смахнула в сторону ножи и рыбы потроха, положила ребенка на разделочный стол и направила на него струю из шланга. Темнокожий ребенок на белой столешнице посреди ножей и рыбьих внутренностей, рядом с ним отрубленная акуля голова, вода смывает с него зараженную СПИДом кровь, и кровь Старлинг тоже капает на него и смывается вместе с кровью Эвельды в общем потоке, соленом, как морская вода.

Бьет струя воды, и в брызгах возникает радуга, словно дар Господень, словно сверкающий символ над результатами удара Его слепого молота. Ни одной раны на теле мальчика

Старлинг не видит. Из динамиков грохочет «Макарена», и все время щелкает лампа-вспышка, пока Хар не оттаскивает фотографа в сторону.

2

Тупик в рабочем районе Арлингтона, штат Виргиния. Недавно пробило полночь. Теплая осенняя ночь после дождя. Воздух нехотя движется, подталкиваемый холодным фронтом. В гуще опавших листьев на сырой земле скрипит сверчок. Он замолкает, когда до него докатывается мощная вибрация, приглушенный рев 5-литрового двигателя «Мустанга» со стальным трубчатым передним бампером; «Мустанг» заворачивает в тупик, сопровождаемый машиной федерального маршала¹¹. Обе машины въезжают на дорожку, ведущую к аккуратному дуплексу¹², и останавливаются. «Мустанг» еще несколько минут подрагивает на холостом ходу. Когда его двигатель выключается, сверчок ждет немного, а потом снова начинает свою песню, свою последнюю песню перед наступлением холодов, последнюю песню в своей коротенькой жизни.

Федеральный маршал в форме вылезает из-за руля «Мустанга». Обходит машину и открывает пассажирскую дверь, выпуская Клэрис Старлинг. Она вылезает из машины. Белая повязка на голове удерживает огромный тампон, закрыва-

¹¹ Маршал – административный служащий судебного округа в США, выполняет функции, сходные с работой шерифа или начальника полицейского участка, а также судебного пристава.

¹² Дуплекс – квартира, расположенная в двух этажах, или дом на две семьи.

ющий ухо. На шее, над воротником зеленой хирургической блузы, которая надета на ней вместо верхней рубашки, видны красно-оранжевые пятна бетадина.

У нее пластиковая сумка с молнией; в ней несколько пластинок мятной жвачки, ключи, удостоверение специального агента Федерального бюро расследований, скорозарядное устройство для револьвера с пятью патронами и небольшой газовый баллончик. Вместе с сумкой она несет ремень с пустой кобурой.

Маршал протягивает ей ключи от машины.

– Спасибо, Бобби.

– Если хотите, мы с Паттоном зайдём и немного посидим с вами. А может, вам Сандру прислать? Она у меня убирает. Я её быстренько привезу, вам не следует оставаться одной.

– Нет, я сразу же лягу. Да и Арделия скоро вернется. Спасибо, Бобби.

Маршал садится в ожидающую машину, и, после того как они с напарником видят, что Старлинг вошла в дом и теперь в полной безопасности, машина с федеральными опознавательными знаками отъезжает.

В прачечной в доме Старлинг тепло и пахнет смягчителем для белья. Шланги от стиральной машины и от сушилки убраны на место и закреплены пластиковыми полосками, которыми пользуются вместо наручников. Старлинг кладет свои вещи на крышку стиральной машины. Ключи от «Мустанга» громко звякают о металлическую крышку. Она вы-

нимает охапку чистого белья из машины и засовывает ее в сушилку. Потом снимает с себя камуфляжные штаны и бросает их в барабан; за ними следуют зеленая блуза и перепачканный кровью лифчик. Потом она включает машину. На ней только носки и трусики, да еще револьвер 38-го калибра с кожухом на курке, засунутый в кобуру на голени. На спине и на ребрах свежие царапины, на локте содрана кожа. Правый глаз и щека под ним припухли.

Стиральная машина нагревается, и в ней начинает плескаться вода. Старлинг заворачивается в большое пляжное полотенце и шлепает в гостиную. Потом возвращается со стаканом в руке – в нем на два дюйма виски «Джек Дэниэлс», чистого, без содовой. Она садится на резиновый коврик перед стиральной машиной, опершись на нее спиной. В прачечной темно и слышно лишь, как теплая стиральная машина вздыхает и плещет водой. Она сидит на полу, подняв голову, и из горла у нее вырываются рыдания; лишь потом начинают течь слезы. Обжигающие слезы текут по щекам, заливают лицо.

Арделию Мэпп доставил домой ее приятель, с которым она встречалась; она приехала ночью, примерно без четверти час, после долгой езды из Кейп-Мэй¹³; они попрощались у дверей, и она пожелала ему спокойной ночи. Мэпп добралась до ванной и услышала, как течет вода в прачечной, а затем

¹³ Кейп-Мэй – курортный городок на юге штата Нью-Джерси.

гул в трубах, когда стиральная машина начала новый цикл работы.

Она пробралась в заднюю часть дома и включила свет в кухне, которую делила со Старлинг. Оттуда было видно, что делается в прачечной. И она увидела Старлинг, сидящую на полу с повязкой на голове.

– Старлинг! Ох, бедненькая моя! – Арделия опустилась возле подруги на колени. – Что с тобой?

– У меня ухо прострелено, Арделия. Уже заштопали – в больнице Уолтера Рида. Не зажигай свет, ладно?

– Хорошо. Я сейчас что-нибудь приготовлю. А я ничего и не слыхала – мы радио не включали, только магнитола... Давай рассказывай.

– Джон погиб, Арделия.

– О господи! Только не Джон!

Мэпп и Старлинг обе неровно дышали к Бригему, когда он был их инструктором по огневой подготовке в Академии ФБР. И все пытались тогда выяснить, что изображает его татуировка... Старлинг кивнула и вытерла глаза тыльной стороной ладони, как ребенок.

– Эвельда Драмго и «крипсы». Эвельда его застрелила. И еще Берка убили, Маркеса Берка, из БАТО. Мы вместе участвовали в операции. Эвельду кто-то предупредил, да еще телевидение нагрянуло одновременно с нами. Эвельду следовало брать мне. Но она не пожелала сдаться. Не пожелала, а у нее на руках был ребенок. И мы начали стрелять

друг в друга. И я ее застрелила.

Мэпп еще никогда не приходилось видеть Старлинг плачущей.

– Арделия, я сегодня пятерых убила.

Мэпп села на пол рядом со Старлинг и обняла ее. Они вместе откинулись на работающую стиральную машину.

– А что с ее ребенком?

– Я смыла с него кровь, у него не было ни единой царапины, я ничего такого не заметила. В больнице сказали, что физических повреждений никаких. Они его через несколько дней отдадут матери Эвельды. Знаешь, что сказала мне Эвельда в последний момент? «Давай махнемся жизненными соками, сука!»

– Пойду я что-нибудь приготовлю.

– Что? – спросила Старлинг.

3

Вместе с серым рассветом пришли газеты и начались ранние новостные программы по телевидению.

Мэпп принесла булочки, услышав, что Старлинг уже встала, и они вместе посмотрели программу новостей.

Си-эн-эн и другие телекомпании перекупили съемку, сделанную операторами ВФУЛ-ТВ¹⁴ с вертолета. Съемка была исключительная – она велась прямо сверху, над головами участников перестрелки.

Старлинг посмотрела запись. Ей хотелось лишний раз убедиться, что Эвельда выстрелила первой. Потом она обернулась к Арделии – у той на лице было написано возмущение.

Старлинг пришлось бежать в ванную – ее вырвало. – Тяжело на это смотреть, – сказала она, когда вернулась, бледная и с трясущимися ногами.

Как обычно, Мэпп сразу взяла быка за рога:

– У тебя, естественно, один вопрос – что я думаю по поводу того, что ты застрелила эту афроамериканку, которая держала на руках ребенка? Так вот тебе ответ: она первой в тебя выстрелила. А мне очень хочется, чтобы ты оставалась в живых. Подумать только, какие кретины разрабатывают эту идиотскую политику! Каким дебилом надо быть, чтобы све-

¹⁴ ВФУЛ-ТВ – местная вашингтонская телестудия.

сти вас с Эвельдой один на один, чтобы вы в этом проклятом месте решали проблему распространения наркотиков с помощью стрельбы! Умники проклятые! Ты бы подумала, стоит ли дальше быть пешкой в их идиотских играх! – Мэпп налила себе чаю, чтобы паузой подчеркнуть значение сказанного. – Хочешь, я с тобой посижу? Могу взять отпуск за свой счет.

– Спасибо, не стоит. Просто позвони мне, ладно? «Нэшнл тэтлер»¹⁵, больше всех других заработавший на буме желтой прессы, разразившемся в девяностые годы, выпустил специальное приложение, что было чрезвычайным событием даже для этого таблоида. Позже, днем, кто-то подбросил им под двери экземпляр газеты. Старлинг обнаружила его, когда пошла выяснить, кто глухо стукнул в дверь. Она ожидала самого худшего и получила действительно по полной программе.

«АНГЕЛ СМЕРТИ: КЛЭРИС СТАРЛИНГ – МАШИНА ДЛЯ УБИЙСТВ ИЗ ФБР» – кричал заголовок в «Нэшнл тэтлер», набранный жирным готическим шрифтом в 72 пункта¹⁶. На первой полосе три фото: Клэрис Старлинг в камуфляже стреляет на соревнованиях из пистолета 45-го калибра; Эвельда Драмго сидит на мостовой, нависая над ребенком, голова склонилась, как у Мадонны на картине Чима-

¹⁵ National Tattler – *букв.* «Национальный сплетник». Автор пародирует название американской желтой газеты «Нэшнл инкуайер».

¹⁶ Пункт – единица измерения высоты шрифтов в полиграфии, равен 0,376 мм. 72 пункта составляют 27 мм.

буэ¹⁷, мозги выбиты напрочь; и снова Старлинг – кладет голого темнокожего ребенка на белый разделочный стол посреди ножей и рыбьих внутренностей, рядом с головой акулы.

Подпись под фото гласит:

Специальный агент ФБР Клэрис Старлинг, которая положила конец карьере серийного убийцы Джейма Гама, может добавить еще пять зарубок на рукоятку своего пистолета. Мать с грудным ребенком на руках и двое офицеров полиции убиты в результате полного провала операции против наркодельцов.

В основном материале расписывались делишки Эвельды и Дижона Драмго, появление банды «крипсов» на горизонте раздираемого гангстерскими войнами Вашингтона. Было там вкратце рассказано и о военной карьере убитого в схватке офицера полиции Джона Бригема, перечислены его боевые награды.

Со Старлинг они разобрались на всю катушку, дав о ней обширный материал под снимком, сделанным скрытой камерой в ресторане: платье с глубоким вырезом, оживленное лицо.

Клэрис Старлинг, специальный агент ФБР, заработала себе недолгую известность, когда застрелила семь лет на-

¹⁷ Чимабуэ (Ченни ди Пепо) (ок. 1240–1302) – итальянский художник эпохи Раннего Возрождения.

зад серийного убийцу Джейма Гама, прозванного Буффало Биллом. А теперь ее, видимо, ждут служебное расследование и гражданские иски в связи со смертью жительницы Вашингтона, которую обвиняли в нелегальном производстве амфетамина. (См. статью на первой полосе.)

«Это может стать концом ее карьеры, – заявил наш источник в Бюро по контролю оборота алкоголя, табачных изделий и оружия, родственной ФБР организации. – Мы пока еще не знаем подробностей того, как это все произошло, но Джон Бригем должен был остаться в живых. После катастрофы в Руби-Ридж¹⁸ ФБР совершенно не нужны подобные провалы», – подчеркнул этот источник, пожелавший сохранить анонимность.

Стремительная карьера Клэрис Старлинг началась вскоре после того, как она стала курсантом Академии ФБР. Она с отличием окончила университет штата Виргиния по психологии и криминологии, поэтому ей дали задание провести опрос маньяка-убийцы д-ра Ганнибала Лектера, которого наша газета прозвала Ганнибалом-Каннибалом. Она получила от него кое-какую информацию, помогающую ей потом в поисках Джейма Гама и в спасении взятой им заложницы – Кэтрин Мартин, дочери бывшего сенатора США от штата Теннесси.

¹⁸ Руби-Ридж – местечко в штате Айдахо, где группа специального назначения ФБР проводила в 1992 г. операцию, в результате которой были застрелены женщина с грудным ребенком и подросток. Средства массовой информации обрушились на ФБР, обвинив его агентов в убийстве.

Агент Старлинг три года подряд была чемпионом по стрельбе из боевого пистолета в соревнованиях между различными правоохранительными организациями, прежде чем перестала принимать в них участие. По иронии судьбы Джон Бригем, который участвовал вместе с ней в этой операции и погиб, был инструктором огневой подготовки в Квонтико, когда Старлинг училась в Академии, а потом ее тренером на соревнованиях.

Представитель ФБР заявил, что Старлинг отстранена от исполнения служебных обязанностей с сохранением жалования до вынесения решения по результатам служебного расследования. Слушание ее дела ожидается в конце недели; оно будет проводиться Инспекцией личного состава, собственной внутренней инквизицией ФБР, которой все страшно боятся.

Родственники покойной Эвельды Драмго заявили, что они подают гражданский иск о взыскании убытков к правительству США и лично к Клэрис Старлинг по обвинению в неправомочных действиях, повлекших за собой смерть.

Трехмесячный сын Эвельды Драмго, которого видно на руках у матери на фотоснимках трагической перестрелки, не пострадал.

Адвокат Телфорд Хиггинс, выступивший защитником семьи Драмго на многочисленных судебных процессах, заявил, что оружие специального агента Клэрис Старлинг – модифицированный автоматический пистолет «кольт» 45-го

калибра – не разрешено для использования в качестве табельного оружия в органах охраны правопорядка города Вашингтона. «Это смертельное и опасное оружие, совершенно неподходящее для использования в правоохранительных органах, – подчеркнул Хиггинс. – Само его использование подпадает под статью о безответственной угрозе человеческой жизни», – отметил известный адвокат.

Журналисты из «Тэтлера» сумели купить у одного из информантов Старлинг номер ее домашнего телефона и звонили по нему до тех пор, пока Старлинг не сняла трубку с аппарата и не оставила ее лежать рядом. Для связи с конторой она воспользовалась выданным ФБР сотовым телефоном.

Ухо и вспухшая щека болели не особенно сильно, если до них не дотрагиваться. По крайней мере, не было дергающей боли. Помогли две таблетки тайленола. Она не стала принимать сильнодействующий перкосет, прописанный врачом. В конце концов она задремала, привалившись спиной к изголовью кровати. «Вашингтон пост» упала на пол, на руках осталась пороховая копоть, на щеках – следы высохших слез.

4

Вы можете полюбить Бюро, но Бюро может и не полюбить вас.

Афоризм, который обычно приводят в ФБР при «отлучении сотрудника от должности»

Спортивный зал ФБР в здании имени Эдгара Гувера¹⁹ в этот ранний час был почти пуст. Двое мужчин среднего возраста медленно бежали по внутренней дорожке. Позвякивание грузов тренажера в дальнем углу, возгласы и удары ракеток эхом отражались от потолка огромного зала.

Голоса бегущих мужчин были почти не слышны. Джек Кроффорд сегодня бегал вместе с директором ФБР Танберри – по просьбе самого директора. Они пробежали две мили и уже немного запыхались.

– У Бэйлока из БАТО нет выбора, он вынужден уступить давлению, – говорил директор. – Это все из-за провала в Уэйко²⁰. Конечно, произойдет это не сразу, но он конченный человек, и он знает об этом. Он уже может послать преподобному Муну уведомление об освобождении снимаемого

¹⁹ Дж. Эдгар Гувер – директор ФБР с 1924 по 1972 г.

²⁰ Уэйко – город в штате Техас, где БАТО в 1993 г. проводило операцию против религиозной секты «Ветвь Давидова», в результате которой погибли 86 членов секты, включая 17 детей. Пресса и телевидение начали по этому поводу серьезный скандал, продолжающийся до сих пор.

помещения.

Тот факт, что Бюро по контролю оборота алкоголя, табачных изделий и оружия снимает в Вашингтоне офис у преподающего Сон Мен Муна, служил в ФБР поводом для бесконечных шуточек.

– И Фарридей тоже скоро вылетит – за Руби-Ридж, – продолжал директор.

– Не вижу связи, – сказал Крофорд. Он служил вместе с Фарридеем в Нью-Йорке в семидесятых, когда толпа пикетировала местное отделение ФБР на углу Третьей авеню и 69-й стрит. – Фарридей – отличный работник. И не он устанавливал правила проведения операций.

– Я ему это говорил вчера утром.

– Он тихо уходит? – спросил Крофорд.

– Скажем так, он уходит с сохранением всех привилегий. Скверные нынче времена, Джек.

Оба теперь бежали, откинув головы назад, чуть прибавив ходу. Боковым зрением Крофорд заметил, что директор поглядывает на него оценивающе.

– Вам уже сколько стукнуло, Джек, пятьдесят шесть?

– Совершенно верно.

– Еще год – и обязательный выход на пенсию. Масса людей выходят в отставку в сорок восемь, в пятьдесят, когда еще можно найти другую работу. А вот вы так и не захотели. Да-да, я знаю, вы хотели полностью занять себя работой, когда умерла Белла.

Крофорд ничего на это не ответил, и директор понял, что допустил бестактность.

– Мне не хотелось бы, чтобы это прозвучало легкомысленно, Джек, но Дорин тут мне как-то говорила, насколько...

– Мне еще многое надо сделать в Квонтико. Мы хотим до конца отладить систему доступа к электронной информации в Сети, чтобы любой полицейский мог ею пользоваться. Вы сами знаете, это предусмотрено в бюджете.

– У вас никогда не возникало желания стать директором, Джек?

– Я всегда считал, что не подхожу для такой должности.

– Именно, Джек. Вы ничего не смыслите в политике. Из вас директор просто не получится. Из вас никогда не вышел бы ни Эйзенхауэр, ни Омар Брэдли²¹. – Он махнул Крофорду рукой, предлагая остановиться, и они встали, тяжело дыша, в стороне от дорожки. – Вот Паттон²² из вас вполне получился бы. Вы способны вести за собой людей в любой ад, и они все равно будут вас любить. Это особый дар, у меня такого нет. Мне приходится просто всех погонять. – Танберри быстро огляделся по сторонам, взял со скамейки полотенце

²¹ Эйзенхауэр, Брэдли – американские генералы, прославившиеся во Второй мировой войне и позднее занявшиеся политикой. Эйзенхауэр в 1952 г. стал президентом США, Брэдли в 1953 г. – председателем Объединенного комитета начальников штабов.

²² Джордж Паттон – американский генерал, прославился в ходе операций во Франции как жесткий до безжалостности командир, но пользующийся огромной популярностью в войсках.

и накинул его на плечи, словно судебское облачение перед вынесением смертного приговора. Глаза его блеснули.

Некоторым людям приходится прямо-таки выжимать из себя ярость, чтобы выглядеть жесткими, подумал Крофорд, наблюдая за движениями губ Танберри.

– Теперь о деле покойной мисс Драмго с ее автоматом, лабораторией по производству амфетамина и прочими штучками, убитой с ребенком на руках. Юридический комитет палаты представителей требует кровавой жертвы. Жирного тельца. Средства массовой информации тоже. УБН должно будет им кого-нибудь отдать. И БАТО должно им кого-нибудь отдать. И мы тоже должны. Однако что касается нас, то они, вероятно, удовлетворятся малой кровью. Крендлер считает, что мы можем отдать им Клэрис Старлинг, и они оставят нас в покое. Я с ним согласен. БАТО и УБН получают порку за бездарное планирование операции. Но на спусковой крючок нажимала Старлинг.

– Она стреляла по убийце офицера полиции, которая выстрелила в нее первой.

– Это никого не интересует. Вы же все прекрасно понимаете. Публика не видела, как Эвельда Драмго застрелила Джона Бригема. Они не видели, что Эвельда первой стреляла в Старлинг. Они такого никогда не замечают, если их носом не ткнуть, – надо же знать, куда смотреть. Двести миллионов человек – а десятая часть из них это избиратели! – видели, как Эвельда Драмго сидит на мостовой, прикрывая со-

бой ребенка, и у нее мозги вышибло пулей. Молчите, Джек, я знаю, что вы некоторое время считали Старлинг своей протеей. Но у нее слишком острый язычок, Джек, и она с самого начала не сумела наладить кое с кем отношения.

– Крендлер – настоящий засранец.

– Слушайте, что я вам говорю, и молчите, пока я не закончил. Карьера Старлинг и так в любом случае окончена. Она получит увольнение без суда и всяких последствий. Возня с бумагами ничуть не хуже, чем пустое отсиживание в офисе от звонка до звонка, а она вполне может найти работу. Джек, вы сделали для ФБР огромное дело – вы создали Отдел психологии поведения. Очень многие считают, что если бы вы немного больше занимались собственной карьерой, то давно стали бы крупной шишкой, гораздо выше, чем начальник отдела, что вы заслуживаете гораздо большего. Да я первый готов это подтвердить. Джек, вы выйдете на пенсию заместителем директора ФБР. Даю вам слово.

– Вы хотите сказать, если я не стану вмешиваться в это дело?

– Джек, пусть все идет своим чередом. Когда мир воцарится во всем королевстве, так оно и будет. Джек, посмотрите мне в глаза.

– Слушаю вас, директор.

– Это не просьба, это приказ, четкий и недвусмысленный. Не вмешивайтесь. Не бросайтесь такой возможностью. Иногда ведь приходится просто отвернуться и смотреть в другую

сторону. Мне вот приходилось. Послушайте, я знаю, что это тяжело, поверьте, я знаю, что вы сейчас чувствуете.

– Что я чувствую? – переспросил Крофорд. – Я чувствую, что мне надо принять душ.

Старлинг была хорошей хозяйкой, но не дотошно аккуратной. В ее части дуплекса всегда царила чистота, и Клэрис в любой момент могла найти то, что нужно, но вещи у нее имели тенденцию скапливаться кучами – неразобранное белье после стирки, больше журналов, чем места для их хранения. Она могла бы занять призовое место на чемпионате мира по глаженью в последнюю минуту, но ей никогда не нужно было слишком наряжаться и прихорашиваться, так что в целом она со всем этим справлялась.

Когда ей хотелось полного порядка, она проходила через общую кухню на другую сторону дуплекса, принадлежавшую Арделии Мэпп. Если Арделия была у себя, можно было воспользоваться этим, чтобы получить совет, который всегда оказывался полезен, хотя иной раз бывал более резок, чем ей хотелось. Если же Арделии не было, Старлинг – по молчаливому соглашению между ними – могла посидеть в этой атмосфере абсолютного порядка, царившего в жилище Мэпп, поразмышлять, при условии, что не оставит там никаких следов своего пребывания. Здесь она сегодня и сидела. Это было одно из тех жилищ, в котором всегда пребывает дух его владельца, присутствует тот физически или нет.

Старлинг сидела, глядя на страховой полис бабушки Арделии, который висел на стене, заключенный в красивую

рамку, точно так же, как он висел когда-то в сельском до-
мике самой бабушки, а потом в многоквартирном доме, ко-
гда Мэпп была еще ребенком. Бабушка Арделии занималась
выращиванием овощей и цветов на продажу и экономила на
всем, чтобы платить страховые взносы, зато потом получи-
ла возможность взять кредит в счет оплаченной страховки,
чтобы помочь Арделии в самый критический момент, когда
та грызла гранит наук в колледже. Рядом висела и фотогра-
фия бабушки – маленькая старушка, не сделавшая даже и
попытки улыбнуться, белый крахмальный воротник и древ-
няя мудрость в сверкающих черных глазах под соломенной
шляпкой-канотье.

Арделия всегда сознавала, из какой среды она вышла, она
ежедневно черпала в этом силы. И сейчас Старлинг пыталась
сделать то же самое, чтобы взять себя в руки. Лютеранский
приют в Бозмене дал ей пищу и одежду, задал ей модель при-
личного поведения, но то, что ей было нужно сейчас, она
могла найти только в собственной генетической памяти.

Чем ты располагаешь, если приходишь из бедной бе-
лой семьи? Да еще из такого района, где Реконструкция²³ за-
вершилась только к концу 1950-х годов? Если приходишь
из той социальной среды, которую в университетских город-
ках обычно именуют скопищем голодранцев или «деревен-

²³ Реконструкция – период с 1865 по 1877 г., когда после Гражданской войны происходил процесс перестройки управления южных штатов и их окончательного включения в США.

щиной», а даже если и снисходят, то называют «синими воротничками» или «белой беднотой Аппалачских гор»? Если даже при ощущении некоторого родства всех южан (которые вообще-то считают недостойной любую физическую работу) твою родню и там называют беднотой, то где искать опору, с кого брать пример? Ну да, мы как следует наложили северянам в первой битве при Булл-Ран²⁴, ну и что? Да, прадедушка здорово дрался во время осады Виксберга²⁵, да, часть национального парка Шиллох навеки останется у всех в памяти как Язу-Сити²⁶, ну и что?

Много чести и еще больше гордости, если сумел выжить с тем, что у тебя осталось после всего этого – жалкие сорок акров земли да тощий грязный мул, – но надо еще уметь это понять. А ведь никто тебе об этом не скажет.

Старлинг добилась успеха во время учебы в Академии ФБР, потому что ей некуда было отступить. Она сумела пережить удары судьбы в государственных организациях, научившись уважать порядок, четко и твердо следуя всем установленным ими правилам. Она всегда двигалась вперед и вверх, она добилась стипендии, она была хорошим товари-

²⁴ Булл-Ран – река в штате Виргиния, на которой происходили два крупных сражения в ходе Гражданской войны в США – в 1861 и 1862 гг. Первое сражение северяне проиграли.

²⁵ Виксберг – город в штате Миссисипи. В 1863 г. был осажден армией северян и после длительной осады взят ими.

²⁶ Шиллох – национальный парк в штате Теннесси, место сражений в Гражданскую войну в США. Язу-Сити – город в штате Миссисипи, на реке Булл-Ран.

щем в любой команде. И ее неудача в продвижении по служебной лестнице в ФБР после такого блестящего старта стала для нее внезапным и страшным потрясением. Оказалось, что она, как муха, попавшая в бутылку, бьется о стеклянную стенку.

У нее было четыре дня, чтобы оплакать Джона Бригема, убитого у нее на глазах. Давным-давно он ее кое о чем попросил, но она сказала «нет». И тогда он спросил ее, останутся ли они друзьями, уже не вкладывая в это никакого другого смысла, и она сказала «да», подразумевая именно это.

Ей теперь еще предстояло смириться с тем фактом, что она сама застрелила пятерых возле рыбного рынка «Фелисиана». Перед ее мысленным взором вновь и вновь возникала картина того, как один из «крипсов», которого сплющило между столкнувшимися машинами, судорожно хватается за крышу «Кадиллака», а его пистолет скользит по крыше.

В один из этих дней, просто чтобы отвлечься от тяжелых дум, она поехала в больницу проведать ребенка Эвельды. Там была мать Эвельды, держала своего внучонка на руках, собираясь везти его домой. Она узнала Старлинг по фотографиям в газетах, передала ребенка медсестре и, прежде чем Старлинг поняла, что она собирается сделать, вlepила ей пощечину – прямо по замотанной бинтом щеке.

Старлинг не стала отвечать тем же – просто выкрутила ей руку за спину и сунула лицом в стекло, отделявшее детскую палату от приемной, и держала в жестком захвате, пока

та не перестала дергаться, тыкаясь расплюснутым носом в стекло, заплеванное ее слюнями и пеной изо рта. У Старлинг по шее текла кровь, от боли кружилась голова. В отделении «Скорой помощи» ей наложили на ухо новые швы. Она отказалась подавать заявление в полицию. Санитар из «Скорой помощи» сообщил об инциденте в редакцию «Тэтлера» и заработал на этом три сотни долларов.

Ей пришлось выезжать из дома еще дважды – чтобы все подготовить к похоронам Джона Бригема и на сами похороны на Арлингтонском национальном кладбище. У Бригема почти не осталось родственников, да и те дальние, а в завещании он назначил Старлинг своим душеприказчиком.

Лицо у него было сильно повреждено, так что потребовался закрытый гроб, но она по мере возможности проследила за тем, чтобы его все же привели в соответствующий вид. И покойного уложили в гроб в безукоризненной синей форме морского пехотинца, с орденом Серебряной звезды и орденскими планками вместо других наград на груди.

После погребальной церемонии командир Бригема передал Старлинг шкатулку, в которой лежали личное оружие Бригема, его значки и некоторые вещи из его вечно переполненного стола, включая дурацкую птичку, которая все время раскачивается и пьет из стаканчика.

Через пять дней Старлинг предстояло слушание ее дела, что могло окончательно ее уничтожить. За исключением одного сообщения от Джека Крофорда, ее рабочий телефон все

эти дни молчал, а Бригема больше не было, и поговорить теперь было не с кем.

Она позвонила секретарю профсоюза сотрудников ФБР. Он дал только один совет: не надевать на слушание длинные серьги или открытые босоножки.

И каждый день пресса и телевидение продолжали шумиху вокруг истории с Эвельдой Драмго и трепали ее, как такса треплет схваченную крысу.

Здесь, в идеальном порядке дома Арделии Мэпп, Старлинг пыталась думать.

Что может уничтожить любого человека – это червь сомнений, желание согласиться с обвинителями, чтобы добиться их расположения.

Какой-то звук мешает...

Старлинг пыталась точно припомнить свои слова там, в микроавтобусе. Может быть, она сказала что-то лишнее?

Какой-то звук мешает...

Бригем велел ей проинформировать остальных об Эвельде. Может быть, она изначально проявила враждебность, сказала о ней что-то гнус...

Какой-то звук все время мешает думать!

Она пришла в себя и поняла, что это звонят в ее дверь, на той стороне дуплекса. Наверное, какой-нибудь репортер. Еще могли принести повестку в суд по гражданским делам – она ожидала ее. Она отвела в сторону занавеску на окне в гостиной Мэпп и выглянула наружу – как раз вовремя, что-

бы успеть заметить почтальона, уже возвращавшегося к своему грузовичку. Она открыла парадную дверь и перехватила его и, повернувшись спиной к машине прессы, дежурившей на той стороне улицы с теле-и фотообъективами наготове, расписалась в получении заказного письма. Конверт был лиловато-розового цвета, с вплетенными в дорогую плотную бумагу шелковыми нитями. Хотя она сейчас думала совсем о другом, конверт ей кое-что напомнил. Оказавшись снова внутри, подальше от чужих глаз, она глянула на адрес. Великолепный каллиграфический почерк.

Несмотря на постоянный страх, от которого у нее в голове все время гудело, Старлинг ощутила сигнал тревоги. И почувствовала, как по коже на животе пошли мурашки, словно она облилась чем-то холодным.

Она взяла конверт за края и отнесла его в кухню. Из сумочки извлекла всегда лежавшие там белые перчатки для работы с вещдоками. Прижала конверт к твердой поверхности кухонного стола и весь его прощупала. Хотя бумага была толстая и плотная, она бы сразу выявила наличие батарейки для часов, подсоединенной к листу пластиковой взрывчатки С-4 и готовой взорвать его. Она прекрасно знала, что ей следовало бы проверить конверт под флуороскопом. Если его открыть прямо здесь, это может кончиться плохо. Плохо? Это уж точно. Чувшь все это.

Она вскрыла конверт кухонным ножом и извлекла из него шелковистый листок бумаги. И сразу поняла, еще не успев

ВЗГЛЯНУТЬ НА ПОДПИСЬ, КТО АВТОР ЭТОГО ПОСЛАНИЯ.

Дорогая Клэрис!

Я с огромным интересом следил за тем, как вас бесчестят и подвергают публичному шельмованию. То, как это делали со мной, меня никогда не задевало, исключая, конечно, неудобства, вызванные тюремным заключением, а вот вам может не хватить умения смотреть вперед.

В ходе наших дискуссий там, в тюремном подвале, мне стало совершенно ясно, что ваш отец, погибший ночной сторож, занимает весьма значительное место в вашей шкале ценностей. Думаю, что ваш успех в пресечении карьеры Джейма Гама в качестве закройщика и портного доставил вам наибольшую радость именно потому, что вы могли себе представить, что это сделал ваш отец.

А теперь вы на плохом счету в ФБР. Вы, наверное, всегда воображали, что вами там командует ваш отец, воображали его начальником отдела или даже выше, чем Джек Крофорд, – ЗАМЕСТИТЕЛЕМ ДИРЕКТОРА ФБР, воображали, как он следит за вашими успехами и гордится вами. Правда? А что теперь? Теперь вы, видимо, представляете себе, как он стыдится вас, как сокрушается в связи с вашим бесчестием, вашим поражением, бесславным и печальным концом вашей многообещающей карьеры. Так? Может быть, вы уже представляете себе, как вы сами занимаетесь такой же унижительной работой, на которую вынуждена

*была пойти ваша мать, после того как наркоманы уколо-
шили вашего ПАПОЧКУ? А? Как вы думаете, ваш провал
отразится на них? Может быть, люди теперь всегда бу-
дут считать их – пусть даже несправедливо – отбросами и
мусором, которые торнадо уносит из трейлерного лагеря?
Ответьте мне откровенно, специальный агент Старлинг.*

*Сделаем на минутку перерыв, прежде чем продолжить. А
теперь я укажу вам на то качество вашего характера, ко-
торое поможет вам: слезы сейчас не застилают вам глаза,
у вас хватит пороху, чтобы читать дальше.*

*Вот вам упражнение, которое может оказаться для вас
полезным. Я хочу, чтобы вы проделали это прямо сейчас,
немедленно, вместе со мной.*

*У вас есть чугунная сковорода? Вы же с Юга, из горных
районов, не могу себе представить, чтоб у вас такой не бы-
ло. Поставьте ее на кухонный стол. Включите верхний свет.*

*Мэпп получила почерневшую чугунную сковородку в на-
следство от своей бабушки и часто ею пользовалась. У ско-
вородки было черное блестящее дно, которого никогда не
касалось мыло. Старлинг поставила ее на стол перед собой.*

*Теперь, Клэрис, смотрите прямо в сковороду. Наклони-
тесь и смотрите вниз, на ее дно. Если это сковорода ва-
шей матери – а вполне может оказаться, что это именно
так, – то она наверняка хранит в своих молекулах следы*

вибрации от всех разговоров, которые велись в ее присутствии. Всех обменов мнениями, мелких ссор, жутких открытий, недвусмысленных сообщений о несчастьях, ворчания, поэтических выражений любви.

Сядьте к столу, Клэрис. Посмотрите в сковороду. Если она хорошо прокоптилась, то выглядит как черный омут. И смотреть в нее – все равно что в глубокий колодец. Ваше четкое отражение не на самом дне, оно вырисовывается неясно, словно в тумане, так? Источник света – позади вас, и вот вы видите себя на черной поверхности, а вокруг головы – свечение, словно волосы загорелись.

Мы все – лишь соединения углерода, Клэрис. И вы, и сковородка, и ваш папочка, давно умерший и лежащий в земле, холодный, как эта сковорода. И все вибрации по-прежнему хранятся все там же. Прислушайтесь. Как в действительности звучали их голоса, как они на самом деле жили, ваши всю жизнь боровшиеся родители? Нужны конкретные воспоминания, а вовсе не образы, которые переполняют вашу душу.

Почему так случилось, что ваш отец не был помощником шерифа, одним из тех, что заполняют залы суда? Почему ваша мать служила уборщицей в мотелях, чтобы содержать вас, хотя и не сумела сохранить семью, пока вы не выросли?

Какое у вас осталось самое живое воспоминание о кухне? Не о больнице, а о кухне?

Как мама смывает кровь со шляпы отца.

Какое у вас самое светлое воспоминание, связанное с кухней?

Как отец чистит апельсины своим старым складным ножом, у которого отломан кончик лезвия, и раздает нам дольки.

Ваш отец, Клэрис, был ночным сторожем. А ваша мать – уборщицей.

Чья это была мечта, что вы сделаете блестящую карьеру на федеральной службе, ваша или их? В какой мере ваш отец мог прогибаться и пресмыкаться, чтобы уцелеть в застойном бюрократическом болоте? Был ли он готов ради этого лизать задницы своим начальникам? Вы хоть раз в жизни видели, чтобы он лизоблюдствовал или раболепствовал?

А ваши начальники – они-то хоть раз продемонстрировали какие-нибудь высокие моральные качества? А ваши родители? Может быть, они их демонстрировали? Если так, то совпали ли эти качества?

Посмотрите на честный черный чугун и ответьте мне. Вы подвели своих умерших родителей? Может быть, они предпочли бы, чтобы вы подлизывались? Как они относились к стойкости и силе духа? А ведь вы можете быть сильной и стойкой – стоит лишь захотеть.

Вы воин, Клэрис. Враг убит, ребенок спасен. Вы воин. Самые стабильные химические элементы, Клэрис, расположе-

ны в середине Периодической системы, грубо говоря, между железом и серебром.

Между железом и серебром. Думаю, это как раз относится к вам.

Ганнибал Лектер

P. S. За вами по-прежнему должок, вы сами знаете, кое-какая информация. Сообщите, по-прежнему ли вы просыпаетесь ночью, слыша бляющие ягнят? В любое воскресенье дайте объявление в общенациональном издании «Таймс», в «Интернэшнл геральд трибюн» и в «Чайна мэйл». Адресуйте сообщение АЛ. Аарону, чтобы оно пошло первым. И подпишите его «Ханна».

Читая письмо, Клэрис слышала все эти слова, произносимые тем же самым голосом, который насмехался над ней и язвил ее, копался в ее жизни и просвещал ее в отделении строгого режима спецбольницы для невменяемых преступников, когда ей пришлось продать Ганнибалу Лектеру свои воспоминания в обмен на важную информацию о Буффало Билле. Металлический скрежет этого редко звучавшего голоса она и сейчас все еще слышит в своих снах.

В углу кухни висела свежая паутина. Старлинг сидела, уставившись на нее, пока ее мысли мешались в полном беспорядке. Радость и сожаление, сожаление и радость. Радость оттого, что получила помощь, радость, что увидела путь к исцелению. Радость и сожаление, что доктор Лектер послал

свое письмо через службу пересылки в Лос-Анджелесе, а там, видимо, пользуются услугами дешевой рабсилы – на сей раз на конверте стоял штемпель почтового отделения. Джек Крофорд будет страшно рад этому штемпелю, да и почтовые работники тоже, и лаборатория.

6

В комнате, где теперь проходит жизнь Мэйсона, тихо, но здесь звучит свой собственный пульс – вдохи и выдохи респиратора – аппарата искусственного дыхания, который дает ему возможность дышать. Здесь темно, если не считать мерцания в огромном аквариуме, в котором великолепный угорь не переставая выписывает бесконечные восьмерки, а отбрасываемая им тень, словно лента, движется по стенам комнаты.

Заплетенные в косу волосы Мэйсона, свернутые в толстый жгут, лежат на крышке аппарата искусственного дыхания, закрывающей его грудь. Перед ним висит сложное устройство из многочисленных трубок, похожее на флейту Пана.

Длинный язык Мэйсона просовывается в щель между зубами. Он проводит языком по кончику одной из трубок и дует в трубку вместе с очередным циклом работы аппарата.

Из динамика на стене немедленно слышится ответ на его сигнал: «Да, сэр?»

– «Тэтлер»! – Начальное «т» не произносится, но голос сильный и звучный, как у радиодиктора.

– На первой полосе...

– Не надо мне читать. Дайте на монитор. – В речи Мэйсона отсутствуют звуки «д», «м» и «т».

Щелкает высоко поднятый монитор. Его зелено-голубой

экран становится розовым, когда на нем появляется первая полоса «Тэтлера».

«АНГЕЛ СМЕРТИ: КЛЭРИС СТАРЛИНГ – МАШИНА ДЛЯ УБИЙСТВ ИЗ ФБР», – читает Мэйсон, три раза медленно вдыхая и выдыхая с помощью аппарата. Фотографии он может увеличивать на экране.

Только одна его рука торчит из-под одеяла, которым накрыта его высоко поднятая кровать. Он может немного ею двигать. Рука эта передвигается, как бледный паук, больше с помощью перемещения пальцев, чем силой мускулов локтя и предплечья. Поскольку Мэйсон почти не может поворачивать голову, чтобы больше видеть, указательный и средний пальцы действуют как антенны, ощупывая пространство, пока большой палец, безымянный и мизинец передвигают ладонь. Вот ладонь нащупывает пульт дистанционного управления, с помощью которого он может увеличивать изображение и переворачивать страницы.

Мэйсон читает медленно. Специальное приспособление, укрепленное на линзе над его единственным глазом, два раза в минуту издает шипение и выпускает тонкую струйку увлажняющей жидкости на лишенное века глазное яблоко, но часто затуманивает стекло линзы. Ему требуется двадцать минут, чтобы до конца дочитать основную статью и дополнительные материалы на ту же тему.

– Поставьте рентгенограмму, – сказал он, закончив чи-

тать.

Это заняло всего секунду. Огромная рентгенограмма потребовала специальной подставки с подсветкой, чтобы ее было хорошо видно на мониторе. Человеческая ладонь, видимо покалеченная. Еще один снимок, на нем вся рука вместе с ладонью. Стрелка, приклеенная к рентгенограмме, указывает на старый сросшийся перелом кости посередине между плечом и локтем.

Мэйсон смотрел на экран в течение многих вдохов и выдохов.

– Поставьте письмо, – произнес он наконец.

На экране возник великолепный каллиграфический почерк, буквы абсурдно огромные в результате увеличения.

«Дорогая Клэрис! – читал Мэйсон. – Я с огромным интересом следил за тем, как вас бесчестят и подвергают публичному шельмованию...» Ритм чтения пробудил в нем давно дремавшие думы, которые закрутили и завертели его самого, его кровать, всю комнату, содрали струпья с его отвратительных мечтаний, которые невозможно выразить словами, заставили сердце биться быстрее, опережая работу дыхательного аппарата... Машина ощутила его возбуждение и начала быстрее наполнять воздухом его легкие.

Он прочел письмо до конца, медленно, болезненно, читая в такт работе респиратора, читая, словно верхом на скачущей лошади. Мэйсон не мог закрыть свой глаз, но когда он закончил чтение, его мозг отрешился от того, на что смот-

рел глаз, чтобы некоторое время подумать. Аппарат замедлил ритм работы. Потом Мэйсон опять дунул в трубку.

– Да, сэр?

– Соедините меня с конгрессменом Велмором. Телефон дайте сюда. Динамик отключите. Клэрис Старлинг, – произнес он, словно разговаривая сам с собой, когда следующий вдох аппарата позволил ему произнести это.

В этом имени не было взрывных согласных, и он хорошо сумел его произнести. Ни один звук не пропал. Пока он ждал телефонного звонка, он на минутку задремал. Тень угря продолжала скользить по его простыне, по лицу и по свернутым в жгут волосам.

Базардз-Пойнт, штаб-квартира отделения ФБР по Вашингтону и округу Колумбия, был так назван по сборищу хищных птиц²⁷, которые во множестве слетались к военному госпиталю, располагавшемуся на этом месте во время Гражданской войны.

Сегодняшнее сборище руководящих лиц среднего звена из Управления по борьбе с наркотиками, Бюро по контролю оборота алкоголя, табачных изделий и оружия и ФБР посвящено определению дальнейшей судьбы Клэрис Старлинг.

Старлинг в одиночестве стояла на толстом ковре в кабинете своего босса. Она ощущала, как бьется пульс под повязкой на голове. Несмотря на это, она все же слышала мужские голоса, приглушенные дверью с матовым стеклом, ведущей в соседний конференц-зал.

На стекле в орнаменте из золотых листьев красовался огромный герб ФБР с его девизом «Верность, Мужество, Честь».

Голоса за дверью с гербом звучали то громче, то тише в зависимости от напряженности разговора. Несколько раз Старлинг слышала свою фамилию, остальные слова разобрать не могла.

Из окна кабинета открывался прекрасный вид на гавань

²⁷ Канюки (англ.).

яхт-клуба и стоящий за ней форт Макнэр, где когда-то были повешены заговорщики, участвовавшие в покушении на Линкольна.

Перед мысленным взором Старлинг возникли когда-то виденные ею фотографии Мэри Саррет – как она идет по форту Макнэр мимо приготовленного для нее гроба и взбирается на помост под виселицей, стоит на крышке люка с уже напяленным на голову колпаком, а юбки обвязаны вокруг ног, «чтобы не допустить непристойности», когда она провалится вниз с громким хрустом шейных позвонков навстречу вечному мраку.

В соседней комнате раздался скрип стульев – мужчины вставали. И вот они вошли в кабинет. Кое-кого она узнала. Господи, да это сам Нунан, помощник директора, курирующий работу всего следственного управления.

И тут же, рядом – ее извечная Немезида²⁸, Пол Крендлер из Департамента юстиции – длинная шея и круглые уши, высоко посаженные на черепе, как у гиены. Крендлер делал успешную карьеру, и нынче его считали серым кардиналом при Генеральном инспекторе. С тех пор как Клэрис семь лет назад опередила его в раскрытии наделавшего много шума преступления и сама вышла на серийного убийцу Буффало Билла, он при любой возможности подливал яду в ее личное дело и все время нашептывал на ушко членам Совета по работе с кадрами разные гадости про нее.

²⁸ Немезида (Немесиды) – богиня возмездия в греческой мифологии.

Ни один из этих людей никогда не участвовал вместе с ней в операциях, не вручал повестки и ордера на арест, не был вместе с ней под огнем и не вытаскивал, как она, осколки стекла из волос.

Ни один из этих мужчин не взглянул на нее, а потом вдруг все разом подняли на нее глаза, как волки в стае внезапно все разом поворачивают головы в сторону больного теленка в стаде.

– Садитесь, агент Старлинг. – Ее собственный босс, специальный агент Клинт Пирсел, потер запястье, словно ему мешали часы.

Стараясь не встретиться с ней глазами, он указал ей на стул, повернутый к окну. Стул для допроса – отнюдь не самое почетное место.

Семеро мужчин остались стоять, черными силуэтами выделяясь на фоне ярко освещенных окон. Старлинг теперь не было видно их лиц, но, несмотря на яркий свет, она могла разглядеть их ноги. Пятеро носили мокасины с кисточками, на толстых подошвах – излюбленная обувь провинциальных стилияг, которым удалось пробиться в Вашингтон. Еще одна пара – макановские туфли с украшенными перфорацией носами и с подошвами фирмы «Корфэм» и последняя, седьмая, – ботинки от «Флорсхайма», тоже с перфорированными носами. В воздухе стоял запах гуталина, нагретшегося от горячих ног.

– Если вы не знаете кого-то из присутствующих, агент

Старлинг, то это помощник директора Нуна, я думаю, вам известно, кто он такой, это Джон Элдридж из УБН, далее – Боб Сид из БАТО, Бенни Холком, он помощник мэра, и Ларкин Уэйнрайт, инспектор из Инспекции личного состава, – произнес Пирсел. – Пол Крендлер, вы ведь знаете Пола, присутствует здесь неофициально, представляя Отдел Генерального инспектора Департамента юстиции. Пол просто делает нам некоторое одолжение, так что он как бы присутствует и не присутствует; просто он хочет нам помочь отвести неприятности, если вы понимаете, о чем я.

Старлинг отлично знала, что говорят в их конторе по поводу федеральных инспекторов: это те, кто прибывает на поле битвы после того, как сражение окончено, чтобы добить раненых.

Некоторые из силуэтов кивнули в знак приветствия. Семеро мужчин вытянули шеи и наклонили головы, рассматривая молодую женщину, судьбе которой посвящено их сборище. В течение нескольких ударов сердца все молчали.

Молчание нарушил Боб Сид. Старлинг помнила его – это был тот самый «специалист по работе с прессой», который пытался нейтрализовать жуткую вонь, поднятую прессой после закончившейся катастрофой операции против секты «Ветвь Давидова» в Уэйко. Он был приятелем Крендлера и тоже считался восходящей звездой.

– Агент Старлинг, вы сами видели реакцию газет и телевидения и знаете, что вас считают убийцей Эвельды Драмго.

К несчастью, вас некоторым образом демонизировали.

Старлинг ничего не ответила.

– Что вы думаете по этому поводу?

– Я не имею отношения к подготовке новостей, мистер Снид.

– У женщины на руках был ребенок, вот в чем проблема.

– Не на руках, а в рюкзачке-«кенгуру», на груди, а руки были спрятаны за ним, под одеяльцем, а в руках она держала автомат «МАК-десять».

– Вы видели протокол вскрытия? – спросил Снид.

– Нет.

– Но вы никогда не отрицали, что это был ваш выстрел?

– Вы что же, думаете, я стану это отрицать только потому, что вы не нашли пулю? – Она повернулась к своему шефу: – Мистер Пирсел, это ведь дружеская встреча, правильно?

– Совершенно верно.

– Тогда почему у мистера Снида работает диктофон? Технический отдел уже сто лет назад перестал пользоваться такими микрофонами в виде булавки для галстука. А у него в нагрудном кармане диктофон, и он записывает каждое слово. Мы что, всегда теперь все записываем, когда идем в офис к коллегам?

Пирсел побагровел. Если Снид действительно все записывает, это с его стороны самое гнусное предательство. Но кто же захочет, чтобы на пленке остался его голос, как он говорит Сниду, чтоб тот выключил свой диктофон...

– Нас не интересуют ни ваши соображения, ни ваши обвинения, – заявил Свид, бледный от ярости. – Мы собрались, чтобы вам помочь.

– Помочь мне?! В чем? Ваше агентство обратилось в наш отдел и затребовало меня, чтобы помочь вам в проведении этой операции. Я два раза предлагала Эвельде Драмго сдать-ся. Она держала в руках автомат, прикрывая его детским одеялом. К тому времени она застрелила Джона Бригема. Мне очень жаль, что она не сдалась добровольно. Но она не сдалась. Она выстрелила в меня. Я выстрелила в нее. И вот она мертва. Можете проверить счетчик вашего диктофона, в каком месте это записано, мистер Свид.

– Вы заранее знали, что Эвельда Драмго там будет? – задал вопрос Элдридж.

– Заранее? Агент Бригем сообщил мне, когда мы ехали в микроавтобусе, что Эвельда Драмго занимается изготовлением амфетамина в охраняемой гангстерами подпольной лаборатории. И дал мне задание заняться ею.

– Но Бригем мертв, – сказал Крендлер. – И Берк тоже. А ведь отличные были агенты, черт возьми! И они теперь не могут ничего ни подтвердить, ни опровергнуть.

Старлинг чуть не стошнило, когда он произнес имя Бригема.

– Я вряд ли смогу забыть, что Джон Бригем мертв, мистер Крендлер. Он действительно был прекрасным оперативником и к тому же моим другом. Но факт остается фактом – он

дал мне задание лично заняться Эвельдой.

– Бригем дал вам такое задание, несмотря на то что вы раньше сталкивались с Эвельдой Драмго, – сказал Крендлер.

– Да перестаньте, Пол, – произнес Клинт Пирсел.

– Сталкивалась? – переспросила Старлинг. – Да ничего подобного – это был самый обычный арест. Она, конечно, имела раньше столкновения при аресте – с другими офицерами. Мне же она сопротивления не оказывала, когда я ее арестовывала в предыдущий раз, мы даже поговорили немного – она ведь была неглупая женщина. Мы были вполне друг с другом вежливы. И я надеялась, что и на этот раз мне удастся все проделать тихо-мирно.

– Так вы четко заявили, что займетесь ею? – спросил Снид.

– Я подтвердила полученное приказание.

Холком из мэрии наклонился к Сниду. Снид поправил манжеты.

– Мисс Старлинг, у нас есть информация, поступившая от полицейского Болтона из Управления полиции Вашингтона, что вы делали подстрекательские заявления по поводу миссис Драмго в автобусе по пути на место, где произошла перестрелка. Хотите что-нибудь сказать по этому поводу?

– По приказанию агента Бригема я сообщила остальным, что у Эвельды были в прошлом случаи сопротивления властям, что она обычно вооружена и что она заражена ВИЧ-инфекцией. Я сказала, что мы дадим ей возможность сдать-

ся. Я попросила о физической помощи, чтобы справиться с ней, если дело дойдет до этого. Могу еще добавить, что добровольцев не нашлось.

Клинт Пирсел сделал над собой явное усилие:

– После того как машина «крипсов» разбилась и один из преступников убежал, вы заметили, что машина качается, и слышали, что внутри плачет ребенок?

– Он не плакал, он кричал, – ответила Старлинг. – Я подняла руку, давая знак остальным прекратить огонь, и вышла из-за прикрытия.

– Это нарушение правил проведения операций, – сказал Элдридж.

Старлинг проигнорировала его реплику.

– Я приблизилась к машине, готовая стрелять, оружие в руке, стволом вниз. Между мной и машиной на земле лежал Маркес Берк, он уже умирал. Кто-то подбежал к нему и наложил тампон на рану. Эвельда с ребенком вылезла из машины. Я попросила ее показать мне руки. Я сказала что-то вроде: «Эвельда, не надо стрелять».

– Она выстрелила, вы выстрелили. Она сразу упала? Старлинг кивнула:

– У нее подкосились ноги, и она осела на мостовую, наклонившись вперед, над ребенком. Она была мертва.

– И вы схватили ребенка и побежали туда, где была вода, – заметил Пирсел. – Продемонстрировали всем, какая вы заботливая...

– Не знаю, что я там продемонстрировала. Он был весь залит кровью. Я не знала, заражен он ВИЧ-инфекцией или нет. Она-то была инфицирована.

– И вы подумали, что его могла задеть ваша пуля, – сказал Крендлер.

– Ничего подобного. Я прекрасно знала, куда попала моя пуля. Я могу говорить свободно, мистер Пирсел?

Он отвел взгляд в сторону, и она продолжила:

– Операция кончилась полным провалом. Я была поставлена в условия, когда у меня был очень простой выбор: погибнуть или застрелить женщину с ребенком. Я сделала свой выбор, и то, что мне пришлось совершить, до сих пор жжет меня, как огнем. Мистер Сид, вы можете еще раз посмотреть на счетчик вашего диктофона и отметить место, где я признаю все это. Меня тошнит оттого, что меня поставили в такое положение. И меня тошнит оттого, что я теперь чувствую. – Перед глазами мелькнула картина: Бригем лежит лицом вниз на дороге; и тут ее прорвало: – И еще меня тошнит оттого, что вы все трусили!

– Старлинг!.. – Пирсел пришел в такую ярость, что в первый раз посмотрел ей прямо в глаза.

– Я знаю, вы еще не успели написать рапорт по форме триста два, – произнес Ларкин Уэйнрайт. – Когда мы проанализируем...

– Я уже все написала, сэр, – заявила Старлинг. – Один экземпляр отослан в Инспекцию личного состава. У меня с

собой есть еще один. Если не хотите ждать, можете его получить прямо сейчас. Там записано все, что я сделала и что увидела там. Мистер Снид, у вас было полно времени...

Все предметы перед ней вдруг приобрели очень четкие очертания, Старлинг поняла, что это сигнал опасности, и резко сбавила тон:

– Эта операция закончилась полным провалом по двум причинам. Стукач БАТО соврал, что ребенка отвезли в детский сад, потому что ему ужасно хотелось ускорить этот рейд, чтобы его провели до того, как ему придется предстать перед большим федеральным жюри штата Иллинойс. А Эвельда Драмго знала, что мы к ней едем. Она вышла из дома с деньгами в одной сумке и с амфетамином в другой. На ее пейджере горел номер телефона студии ВФУЛ-ТВ. Она получила предупреждение за пять минут до нашего прибытия. Вертолет компании ВФУЛ прилетел туда одновременно с нами. Добейтесь ордера на выдачу пленок с записями телефонных разговоров ВФУЛ и увидите, откуда произошла утечка. Джентльмены, это сделал тот, чьи интересы связаны с местными делами. Если бы утечка произошла из БАТО, как это было в случае с операцией в Уэйко, или из УБН, то сообщение попало бы в общенациональную прессу, а не в местную телевизионную компанию.

Бенни Холком решил вступить за родной город.

– Нет никаких доказательств, что утечка произошла из государственных учреждений Вашингтона или из полицейско-

го управления города, – заявил он.

– А вы добейтесь ордера и увидите, – сказала Старлинг.

– Пейджер Драмго у вас? – спросил Пирсел.

– Опечатан и хранится на складе в Квонтико.

Тут раздался сигнал пейджера помощника директора Нунана. Он нахмурился, увидев номер на экране, и, извинившись, вышел из кабинета. Через минуту он вызвал к себе Пирсела.

Уэйнрайт, Элдридж и Холком, засунув руки в карманы, смотрели в окно на форт Макнэр. Так обычно стоят и ждут выхода врача в приемной отделения интенсивной терапии.

Пол Крендлер перехватил взгляд Снида и мотнул головой в сторону Старлинг.

Снид положил руку на спинку стула Старлинг и наклонился к ней:

– Если вы на слушании дадите показания, что ФБР временно направило вас в распоряжение БАТО для проведения этой операции и что Эвельда Драмго была убита из вашего оружия, в БАТО готовы подписаться под заявлением, что это Джон Бригем велел вам... обратить особое внимание на Эвельду, чтобы взять ее под стражу без боя. Она была убита из вашего оружия, так что все шишки за это посыплются на вашу контору. Но мы тогда не станем проводить межагентские соревнования вроде «кто кого переписает» в связи с нарушением правил проведения операций, и нам не придется привлекать вас к ответственности за подстрекательские или

враждебные заявления, которые вы делали в микроавтобусе по поводу того, что эта Эвельда собой представляет.

Перед глазами Старлинг на миг возникла Эвельда Драмго – как она выходит из дверей дома, как вылезает из машины. Старлинг вновь увидела, как гордо она держит голову и, несмотря на всю глупость и бездарность ее смерти, как решительно она настроена – идет с ребенком на руках прямо на смерть и вовсе не намерена бежать.

Старлинг наклонилась над микрофоном на галстук Снида и четко произнесла:

– Я очень рада признать, каким именно человеком она была, мистер Сид. Она была куда лучше вас.

Пирсел вернулся в кабинет уже без Нунана и закрыл за собой дверь.

– Помощник директора Нунан пошел к себе. Джентльмены, я объявляю перерыв в нашем заседании. Я свяжусь с каждым в отдельности по телефону, – сказал он.

Крендлер поднял голову. Он сразу понял, что дело запахло политикой, и насторожился.

– Но нам же надо принять какое-то решение... – начал было Сид.

– Нет, не надо.

– Но...

– Боб, поверьте мне, не надо нам ничего решать. Я вам позвоню. И еще одно, Боб...

– Да?

Пирсел сунул руку за галстук Снида, ухватил провод и резко дернул, оборвав пуговицы на рубашке и отодрав клейкую ленту от кожи.

– Если вы еще раз заявитесь сюда с подслушкой, получите хорошего пинка в задницу.

Никто из них, выходя из кабинета, не оглянулся на Старлинг. За исключением Крендлера.

Продвигаясь к двери, не отрывая подошв от пола, чтобы можно было не глядеть, куда идешь, Крендлер до предела вывернул свою длинную шею в ее сторону – так гиена поворачивает морду в сторону стада, выискивая очередную жертву. На лице Крендлера на миг мелькнуло голодное выражение, точнее, какая-то смесь разных видов голода. Это вполне соответствовало его натуре: и любоваться ножками Старлинг, и высматривать, как бы половчее сделать ей подсечку.

Отдел психологии поведения – это подразделение ФБР, которое занимается серийными убийствами. Внизу, в подвальных помещениях отдела, воздух прохладный и неподвижный. Маляры с валиками для краски в последние годы пытались сделать эти подземные помещения несколько более яркими. Результат был не более выдающимся, чем при косметической обработке трупа в похоронном бюро.

Кабинет начальника отдела так и остался коричневого цвета, его окна – высоко под потолком – были закрыты клетчатыми занавесками, как в дешевом кафе. Здесь, в окружении папок с их жутким содержимым, сидел за своим столом и писал Джек Крофорд.

Стук в дверь, Крофорд поднял взгляд, и увиденное обрадовало его – в дверях стояла Клэрис Старлинг.

Крофорд улыбнулся и встал со стула. Они часто разговаривали со Старлинг стоя; это была одна из неписанных формальностей, которые они вынуждены были соблюдать в своих отношениях.

– Мне сказали, что вы приезжали в больницу, – обратилась к нему Старлинг. – Жаль, что мы не увиделись.

– Я был очень рад, узнав, что вас так быстро отпустили домой, – ответил он. – Как ваше ухо, в порядке?

– Отлично, если кому-то нравится цветная капуста. Врачи

говорят, что опухоль спадет, во всяком случае большая ее часть.

Ухо было закрыто волосами. Она не стала его демонстрировать.

Они немного помолчали.

– Мне пришлось отдуваться за провал операции, мистер Крофорд. За смерть Эвельды Драмго, за все. Они набросились на меня, как гиены, а потом вдруг отвалили назад. Что-то их остановило.

– Может, у вас есть ангел-хранитель, Старлинг?

– Может быть. Чего это вам стоило, мистер Крофорд?

Крофорд отрицательно покачал головой:

– Дверь закройте, пожалуйста, Старлинг.

Крофорд вытащил из кармана салфетку «клинекс» и протер очки.

– Я бы сам это сделал, если бы мог. Но у меня нет того веса. Вот если бы сенатор Мартин по-прежнему занимала свой пост, у вас было бы хорошее прикрытие... Они впустую потеряли Джона Бригема в этом рейде, просто выбросили его, как мусор... И было бы уж совсем бездарно выкинуть еще и вас, как они выбросили Джона. У меня было такое чувство, словно я вас обоих засунул в похоронный катафалк – и Джона, и вас.

У Крофорда порозовели щеки, и она вспомнила, каким было его лицо на резком ветру над могилой Джона Бригема.

Крофорд никогда не говорил с ней о своих сложных отно-

шениях с начальством.

– Но вы что-то все же сделали, мистер Крофорд.

Он кивнул:

– Кое-что я действительно сделал. Не знаю, насколько я вас обрадую, но это новая работа для вас.

Работа. «Работа» – это всегда было очень хорошее слово в их приватном лексиконе. Оно означало конкретное и немедленное задание, оно как бы очищало воздух. Они никогда не обсуждали – если, конечно, можно было без этого обойтись – проблемы бюрократических взаимоотношений внутри Федерального бюро расследований. Крофорд и Старлинг вели себя как врачи-миссионеры – у них не было времени на теологию, каждый концентрировал все внимание на больном ребенке, что лежал перед ним, прекрасно зная (хотя и не произнося это вслух), что Господь не сделает ровным счетом ни хрена, чтобы им помочь. Как это было тогда в Нигерии – Он даже и не подумал послать дождь, чтобы спасти пятьдесят тысяч детишек из племени ибо.

– Вашим спасителем, Старлинг, выступил ваш недавний корреспондент. Косвенным образом, конечно.

– Доктор Лектер! – Старлинг давно подметила нелюбовь Крофорда называть некоторых людей по имени.

– Он самый. Все эти годы он умудрялся ускользать от нас, его было не достать – и вдруг он пишет вам письмо! С чего бы это?

Прошло уже семь лет, как доктор Лектер, уличенный в

убийстве десяти человек, сбежал из заключения в Мемфисе, прикончив попутно еще пятерых.

Нынче все выглядело так, словно Лектер вообще исчез с лица земли. Дело в ФБР оставалось открытым и будет оставаться открытым всегда или до того момента, как его поймают. Точно такое же положение было и в правоохранительных органах штата Теннесси, и в других местах, но никто не создавал специальной оперативной группы для поимки Лектера, хотя родственники его жертв пролили немало слез ярости перед законодателями штата Теннесси, требуя активных действий.

В библиотеках скопились многочисленные тома ученых догадок и предположений относительно его психики. Их авторы в большинстве своем были психологи, никогда не соприкасавшиеся с доктором лично. Появилось также несколько работ психиатров, которых он когда-то успел смешать с грязью в профессиональных журналах и которые, видимо, теперь считали, что могут вполне безопасно отыгаться. Некоторые из них утверждали, что помешательство Лектера в итоге доведет его до самоубийства и, вполне вероятно, он уже мертв.

В электронном пространстве, по крайней мере, интерес к доктору Лектеру оставался на том же высоком уровне. На плодородной почве Интернета, как мухоморы, произрастали и цвели пышным цветом различные теории относительно Лектера, и его светлый образ по числу появлений кон-

курировал с изображением самого Элвиса Пресли. В «чатниках» возникали многочисленные самозванцы, а в фосфоресцирующем пространстве на темной стороне Сети нелегальные продавцы вовсю впаривали коллекционерам всяких гнусностей и отвратительных тайн полицейские фотоснимки надругательств и преступлений доктора. Эти снимки уступали по популярности только жутким изображениям казни Фу Чули²⁹.

Всего один след доктора за семь лет – его письмо к Клэрис Старлинг, в то самое время, когда ее распинали таблоиды.

На письме не было никаких отпечатков пальцев, но в ФБР с полным основанием считали, что оно настоящее. Клэрис же была в этом просто уверена.

– Зачем он это сделал, Старлинг? – Крофорд, похоже, рассердился на нее. – Я ведь никогда не претендовал на то, что понимаю его лучше, чем все эти идиоты психиатры. Сами-то вы что об этом думаете?

– Он считает, что то, что со мной произошло... порушит... разрушит все мои иллюзии относительно Бюро, а он всегда испытывает наслаждение, когда видит, как рушится чья-то вера, это его любимое развлечение. Это для него то же самое, что коллекционировать случаи с рухнувшими церквями. Как тогда, в Италии, когда рухнула церковь и все ста-

²⁹ Фу Чули – персонаж из истории Китая, китайка благородного происхождения, приговоренная к чудовищно жестокой казни за попытку убийства высокогородного принца. (Прим. авт.)

рухи, пришедшие к Рождественской мессе, погибли под обломками, а потом кто-то поставил на руинах новогоднюю елку... Он обожает такие вещи. Я для него развлечение, он играет со мной. Когда я с ним беседовала в спецбольнице, он развлекался тем, что тыкал меня носом в дыры в моем образовании; он вообще считал, что я очень наивный человек.

– А вам никогда не казалось, что вы ему нравитесь, Старлинг? – Крофорд говорил с высоты своего возраста и одиночества.

– Думаю, я просто его развлекаю. Его либо что-то интересует, развлекает, либо нет. Если же нет...

– У вас хоть раз возникало ощущение, что вы ему нравитесь? – Крофорд продолжал настаивать на четкой границе между тем, что она думает, и тем, что она чувствует, как истово верующий баптист требует полного погружения в святую воду при крещении.

– Мы ведь очень недолго общались, и за это время он сообщил мне множество подробностей обо мне самой, которые оказались правдой. Мне кажется, очень легко спутать понимание с сопереживанием – нам ведь всем так нужно сопереживание! Может быть, умение различать эти две вещи и есть признак взросления. Это же очень тяжело и крайне неудобно – сознавать, что кто-то тебя видит насквозь и полностью понимает, но при этом вовсе не испытывает к тебе теплых чувств. Когда тебе ясно, что это понимание он использует как оружие против тебя. Вот что самое скверное. Я... я не

имею никакого понятия о том, какие чувства испытывает ко мне доктор Лектер.

– А какие именно подробности он вам сообщил, вы можете мне сказать?

– Он говорил, что я честолюбивая и пробивная деревенская бабенка и глаза у меня горят, как дешевые камушки, что дарят на день рождения. Говорил, что у меня дешевые туфли, но все же есть некоторый вкус, хотя и не очень много.

– И вас поразило то, что все это соответствует действительности?

– Ага. Может, и сейчас еще соответствует. Правда, туфли я теперь покупаю получше.

– Как вам кажется, Старлинг, может быть, посылая вам это письмо со словами поддержки, он был заинтересован в том, чтобы вы его поймали?

– Он знает, что я его все равно поймаю, для него же лучше – знать это.

– Он убил шестерых уже после того, как суд вынес ему приговор, – сказал Крофорд. – Он убил Миггза в больнице за то, что тот швырнул вам в лицо свою сперму. И еще пятерых при побеге. При нынешней политической ситуации, если доктора поймают, он получит иглу³⁰.

Крофорд улыбнулся при мысли об этом. Он был пионером в изучении серийных убийств. А теперь ему предстоял

³⁰ Во многих штатах США смертный приговор приводится в исполнение путем внутривенного вливания смертельного раствора цианида.

принудительный выход на пенсию, в то время как монстр, который истребал ему столько нервов, пребывал на свободе. Перспектива смерти доктора Лектера доставляла ему огромное удовольствие.

Старлинг понимала, что Крофорд специально упомянул об инциденте с Миггзом, чтобы обострить ее внимание, вернуть ее обратно в те ужасные дни, когда она пыталась допрашивать Ганнибала-Каннибала в подвальном помещении Балтиморской спецбольницы для невменяемых преступников. Когда Лектер играл с ней, а захваченная Джеймом Гамом девушка в это время дрожала от ужаса в колодце под его домом, ожидая смерти. Обычно Крофорд заострял внимание собеседника именно тогда, когда подходил к сути дела, как это он сделал и сейчас.

– А вы знаете, Старлинг, что один из тех, кто в числе первых стал жертвой доктора Лектера, остался в живых?

– Да, тот богач. Его семья предложила награду за поимку Лектера.

– Верно, Мэйсон Верже. Он сейчас живет в Мэриленде, на аппарате искусственного дыхания. Его отец умер в этом году и оставил ему гигантское состояние. Мясная промышленность. И еще старый Верже оставил Мэйсону в наследство связь с одним конгрессменом и членом Юридического комитета палаты представителей, который без помощи этих мясников просто не может сводить концы с концами. Мэйсон сообщил, что у него есть нечто, что может нам помочь

найти доктора. Он желает поговорить с вами.

– Со мной?

– С вами. Именно с вами. И все сразу же решили, что это очень даже неплохая мысль.

– А Мэйсон захотел поговорить со мной после того, как вы это ему предложили?

– Начальство намеревалось вышвырнуть вас вон, Старлинг. Вытереть о вас ноги, словно вы коврик у дверей. И сгинули бы вы ни за что, как Джон Бригем. Только для того, чтобы спасти нескольких чинуш из БАТО. Страх. Давление. Нынче они ничего другого и не знают. Ну я и попросил одного из ребят позвонить Мэйсону и сообщить ему, что если вас выкинут, это плохо отразится на продолжении охоты на Лектера. Что произошло после этого, кому Мэйсон звонил, мне наплевать. Скорее всего, конгрессмену Велмору.

Всего год назад Крофорд ни за что не стал бы разыгрывать партию таким образом. Старлинг тщетно пыталась отыскать у него на лице следы безумной спешки, свойственной обычно тем, кому уже немного осталось, кого скоро выпихнут на пенсию. И ничего такого не обнаружила, только то, что он выглядит усталым.

– Мэйсон – урод, Старлинг, и я имею в виду не только его физиономию. Выясните, чем он сумел разжиться. И привезите сюда, мы с этим сами поработаем. Наконец-то.

Старлинг было прекрасно известно, что многие годы, с тех самых пор, как она окончила Академию ФБР, Крофорд

пытался добиться ее назначения в Отдел психологии поведения.

Теперь же, когда она уже была ветераном службы в ФБР, ветераном многих второстепенных операций, она ясно понимала, что ее первый успех еще на ранней стадии карьеры, когда она обезвредила серийного убийцу Джейма Гама, был частью ее неправильного поведения в Бюро. Она стала восходящей звездой, застрявшей на полпути. Обезвредив Гама, она нажила себе по меньшей мере одного могучего врага и вызвала зависть многих своих коллег-мужчин. Это да плюс еще и некоторая неуживчивость привели к постоянным на протяжении многих лет назначениям в группы быстрого реагирования, выезжающие по тревоге на ограбления банков, регулярным развозам повесток и ордеров на арест, к положению, когда смотришь на все исключительно сквозь прицел. В конечном итоге начальство, видимо, решило, что она слишком вспыльчива, чтобы работать в составе групп, и сделало ее техническим агентом – установка «жучков» на телефоны и автомобили гангстеров и разных подонков, занимающихся, например, детской порнографией, бесконечные дежурства в одиночку возле подслушивающих устройств... И еще ее то и дело «временно направляли» в распоряжение других правоохранительных организаций, когда тем требовался опытный оперативник для проведения очередного рейда. Она была крепкая и выносливая, да и стреляла быстро и метко.

Крофорд решил, что теперь ей выпал реальный шанс. Он, видимо, считал, что она всегда мечтала заняться Лектером. На самом же деле все обстояло гораздо сложнее.

Крофорд смотрел на нее изучающе.

– Вы так и не вывели эти порошинки со щеки, – заметил он. Крошечные точки – сгоревшие порошинки от выстрела покойного ныне Джейма Гама – черным пятнышком выделялись у нее на щеке.

– Да все как-то времени не было, – ответила Старлинг.

– А вы знаете, как французы называют такое пятнышко, такую мушку на щеке? Знаете, что она означает? – У Крофорда была огромная подборка литературы по татуировкам, по символике различных знаков на теле и по ритуальной скарификации³¹.

Старлинг отрицательно покачала головой.

– Они называют это «cougare»³², – сказал Крофорд. – И вы с полным правом можете носить этот знак. Я бы на вашем месте носил.

³¹ У некоторых племен и народов – ритуальное нанесение шрамов на лицо и тело.

³² Мужество, храбрость, смелость (*фр.*).

Поместье Маскрэт-Фарм окутано ореолом какой-то колдовской прелести. Это владение семейства Верже недалеко от реки Саскуэханна на севере штата Мэриленд. Семейство мясопромышленников Верже купило его в 1930-х годах, когда они решили перебраться из Чикаго на Восточное побережье, чтобы быть поближе к Вашингтону, а они вполне могли себе это позволить. Выдающиеся деловые и политические качества позволяли Верже наживаться за счет поставок мяса в армию США еще со времен Гражданской войны.

Скандал с тухлыми мясными консервами во время испано-американской войны 1898 года Верже почти не затронул. Когда Эптон Синклер со своими «разгребателями навоза»³³ изучал чудовищные условия производства на одном из мясных комбинатов Верже в Чикаго, то обнаружилось, что несколько рабочих этого предприятия по случайности были однажды переработаны в лярд, расфасованы по консервным банкам и проданы покупателям под маркой «Лучшего лярда Дарэма», который так любят использовать пекари. Но обвинения к Верже не пристали. И они не потеряли на этом ни

³³ Эптон Синклер (1878–1968) – американский писатель-либерал, выступал с острой критикой «большого бизнеса». «Разгребатели навоза» (*амер.* – *shitrakers*) – в США так называют тех, кто занимается расследованиями злоупотреблений властей и крупных компаний.

единого государственного контракта.

Верже умудрились избежать всех возможных последствий этого скандала, равно как и многих других, раздавая деньги политикам. Единственным поражением, которое они потерпели на протяжении многих лет, было принятие в 1906 году Закона об инспекции мясных предприятий.

Сегодня на предприятиях Верже ежедневно забивается 86 тысяч голов крупного рогатого скота и примерно 36 тысяч свиней; эти цифры несколько меняются в зависимости от времени года.

Свежеподстриженные газоны Маскрэт-Фарм, буйное цветение лилий, колышущихся на ветру, – все это пахнет совсем иначе, чем скотный двор. Единственные животные здесь – это пони для посещающих поместье детей да стада гусей, пощипывающих травку на газонах, низко опустив головы и покачивая гузками. Собак здесь нет. Жилой дом и конюшня расположены почти в центре национального парка, занимающего площадь в шесть квадратных миль, и будут оставаться там до скончания веков в соответствии со специальным разрешением, выданным Департаментом внутренних дел.

Подобно многим поместьям очень богатых людей, Маскрэт-Фарм нелегко найти, если едешь туда впервые. Клэрис Старлинг пропустила нужный съезд с шоссе, и ей пришлось возвращаться по боковой дороге. Сперва она наткнулась на служебный въезд – огромные ворота в высоченном заборе, огораживающем часть леса, запертые на цепь с замком. За

воротами виднелась служебная подъездная дорога, исчезающая в зарослях. Телефона, чтобы связаться с охраной, здесь не было. Еще через две мили она обнаружила роскошную въездную дорожку и привратническую, отстоящую ярдов на сто в глубь поместья. Охранник в униформе быстро отыскал ее фамилию у себя в блокноте.

Еще две мили по въездной дороге, аккуратной, словно нананикюренной, и она добралась до дома.

Старлинг остановила свой рычащий «мустанг», чтобы пропустить стадо гусей, пересекавших дорогу. Отсюда ей была видна группа детей на толстеньких шотландских пони, выезжающих друг за другом из симпатичного амбара с конюшней, находящегося в четверти мили от дома. Огромный дом, построенный явно по проекту Стэнфорда Уайта³⁴, прекрасно вписывался в ландшафт среди невысоких холмов. Здесь все говорило о солидности и больших деньгах, этакая воплощенная в жизнь мечта. Это раздражало Старлинг.

У Верже хватило ума сохранить дом в первоначальном виде и сделать к нему единственную пристройку – ее Старлинг пока не было видно: современное крыло, торчащее из высокой восточной части дома, подобно третьей ноге, пришитой к телу в ходе какого-то чудовищного медицинского эксперимента.

Старлинг остановила машину под центральным порти-

³⁴ Стэнфорд Уайт (1853–1906) – известный американский архитектор, автор проектов многих зданий в Нью-Йорке, Бостоне, Вашингтоне.

ком. Она выключила двигатель, и ей стало слышно собственное дыхание. В зеркало заднего вида она заметила, как кто-то подъехал к ней верхом на лошади. По дорожке рядом с машиной застучали подковы, и она вылезла из «мустанга».

Широкоплечая личность с короткими светлыми волосами спрыгнула с седла и отдала поводья слуге, даже не посмотрев на него.

– Отведи его на конюшню, – произнесла личность скрипучим низким голосом. – Я Марго Верже.

При ближайшем рассмотрении личность оказалась женщиной. Она протянула руку, поднимая ее прямо от плеча. Марго Верже, совершенно очевидно, занималась бодибилдингом. Массивные плечи и мощные руки сильно растягивали сетчатую тенниску. Глаза ее сухо сверкали, словно от какого-то раздражения, как будто она страдала недостатком слезной жидкости. На ней были грубые диагональные бриджи и сапоги для верховой езды, но без шпор.

– Что это у вас за телега? – спросила она. – Старый «мустанг»?

– Ага. Выпуска восемьдесят восьмого года.

– С пятилитровым движком? Он будто припадает на передние колеса, как кошка перед прыжком.

– Точно. Это «Рауш-Мустанг».

– Он вам нравится?

– Очень.

– И сколько миль он дает?

– Не знаю. Думаю, много.

– Бойтесь его?

– Уважаю. Скажем так, я вожу его с большим уважением, – объяснила Старлинг.

– Вы раньше знали, что он собой представляет, или просто так купили?

– Я достаточно знала о «Мустанге», чтобы сразу обратиться на него внимание на аукционе и купить. Позже я узнала о нем больше.

– Как думаете, он обойдет мой «Порше»?

– Смотря какой модели «Порше». Мисс Верже, мне надо поговорить с вашим братом.

– Его сейчас моют. Закончат минут через пять. Мы можем пройти в дом.

Диагональные биджи, обтягивавшие мощные ляжки Марго Верже, шуршали и посвистывали на ходу, когда она поднималась по ступенькам. Ее светлые волосы были настолько редкими, что Старлинг подумала, что когда-то она, видно, принимала стероиды.

На взгляд Старлинг, выросшей в лютеранском сиротском приюте, дом выглядел как музей – огромные свободные пространства, крашеные балки под потолком, стены, увешанные портретами давно умерших людей, выглядевших очень важными. Лестницы украшены китайскими перегородчатыми эмалями, полы устланы длинными марокканскими коврами дорожками.

При переходе в новое крыло стиль резко менялся. Это современное и строго функциональное сооружение соединилось с остальным домом двойными дверями с матовым стеклом, плохо сочетающимися со сводчатым потолком зала.

Марго Верже остановилась перед этими дверями. И посмотрела на Старлинг своими покрасневшими и блестящими от раздражения глазами.

– Некоторым людям трудно разговаривать с Мэйсоном, – сказала она. – Если его вид вас угнетает или вам трудно долго выдерживать его присутствие, я могу потом дополнить информацию, вдруг вы забудете его о чем-то спросить.

Есть такое общее для всех нас ощущение – мы все о нем знаем, но до сих пор не придумали для него конкретного названия – это счастливое предвкушение собственной способности испытывать к кому-то презрение и неуважение. Именно такое выражение Старлинг заметила сейчас на лице Марго Верже. Но обронила лишь:

– Благодарю вас.

К удивлению Старлинг, первое помещение в новом крыле оказалось просторной и хорошо оборудованной игровой комнатой. Здесь, среди огромных чучел животных, играли двое афроамериканских детей; один катался на трехколесном велосипеде с огромным передним колесом, другой возил по полу игрушечный грузовик. По углам стояло несколько трехколесных велосипедов и тележек, а в центре был установлен большой гимнастический комплекс, пол под которым

был застлан толстыми матами.

В углу комнаты на кушетке сидел мужчина в одежде медбрата и читал журнал «Вог». На стенах было установлено несколько телекамер, одни повыше, другие на уровне глаз. Одна, висевшая высоко в углу, следила за Старлинг и Марго Верже, и ее объектив вращался, автоматически наводясь на фокус.

Старлинг уже миновала точку, с которой ей был виден один из темнокожих детей, который вызвал у нее какое-то пронзительное чувство жалости, но она все время явственно ощущала присутствие этих детей. Было все же отрадно смотреть, идя с Марго Верже через игровую комнату, на все это игрушечное великолепие.

– Мэйсон любит наблюдать за детьми, – сказала Марго Верже. – Они, конечно, боятся на него смотреть, кроме самых маленьких, поэтому он за ними вот так наблюдает. Потом они катаются на пони. Это детишки из бесплатного детского сада в Балтиморе.

В комнату Мэйсона Верже можно попасть только через его комнату, помещение, достойное самого лучшего курорта и занимающее пространство во всю ширину этого крыла здания. Выглядит здесь все как в лучшей лечебнице – сплошная хромированная сталь, ковровые покрытия, широкие двери душевой, ванны из нержавеющей стали с подъемными устройствами над ними, свернутые бухтами оранжевые шланги, парилки и огромные стеклянные шкафы с ма-

зями из Farmacia di Santa Maria Novella³⁵ во Флоренции.

Воздух в ванной до сих пор был насыщен паром и запахами бальзамов и хвои.

Старлинг видела полоску света под дверью, ведущей в комнату Мэйсона Верже. Свет погас, как только Марго взялась за ручку двери.

Предназначенная для посетителей часть комнаты Мэйсона Верже очень ярко освещалась сверху. Над кушеткой висел вполне приемлемый эстамп – копия офорта Уильяма Блейка³⁶ «Первый день творения» – Господь меряет землю циркулем. Рама была задрапирована черным – знак траура по недавно усопшему патриарху рода Верже. Остальная часть комнаты была погружена во тьму.

Из этой тьмы доносился звук ритмично работающей машины, вздыхающей при начале каждого цикла.

– Добрый день, агент Старлинг. – Звучный голос, усиленный механически. Звуки «д» и «т» отсутствуют.

– Добрый день, мистер Верже, – произнесла Старлинг в темноту. От яркого света сверху голове стало жарко. День был где-то там, не здесь. День не мог сюда войти.

– Присаживайтесь.

Мне надо все это выдержать. Это хороший шанс. Долго же мне пришлось его ждать!

– Мистер Верже, наш разговор – это, по сути дела, дача

³⁵ Знаменитая своей продукцией аптека при церкви Св. Марии Новеллы.

³⁶ Уильям Блейк (1757–1827) – английский поэт и художник.

показаний, и мне придется его записывать на диктофон. Вы не возражаете?

– Совсем нет. – Голос прозвучал между двумя вздохами аппарата, звук «с» отсутствовал. – Марго, я думаю, ты можешь нас оставить.

Не взглянув на Старлинг, Марго Верже вышла, шурша бриджами.

– Мистер Верже, я вам сейчас прикреплю микрофон к... одежде или к подушке, если это удобно. Или позвать сестру, чтобы она это сделала, как вам больше нравится?

– Будьте как дома, делайте как хотите, – ответил он. Звуки «б» и «м» отсутствуют. Он подождал следующего цикла работы аппарата: – Можете сами прикрепить, агент Старлинг. Я тут, рядом.

Не видно было никаких выключателей, Старлинг не заметила ни одного. Она решила, что ей, может быть, будет лучше видно в отражении света от ее собственных глаз, и направилась во тьму, вытянув вперед одну руку, на запах хвои и бальзама.

Когда он включил свет, она оказалась гораздо ближе к кровати, чем думала.

Старлинг не изменилась в лице. Но рука, державшая микрофон, дернулась назад, может, на дюйм.

Ее первая мысль возникла отдельно от ощущения в груди и в желудке; это была мысль о том, что аномалии его дикции объясняются полным отсутствием губ. Вторая мысль –

что он вовсе не слеп. Его единственный голубой глаз смотрел на нее через устройство вроде моногля с приделанной к нему трубочкой, с помощью которой поддерживалась нужная влажность слизистой, поскольку веко тоже отсутствовало. Что же до всего остального, то хирурги многие годы назад сделали все, что могли, с помощью пересадок и растяжки кожи.

Мэйсон Верже, безносый и безгубый, с полным отсутствием мягких тканей на лице, представлял собой сплошные зубы, как некоторые странные создания, обитающие в глубинах океана. Шок возникает вместе с пониманием того, что это все-таки человеческое лицо, а за ним прячется ум. Все внутри переворачивается, когда видишь его мимику, движения челюсти, поворот глаза, устремленного на тебя. На твое нормальное лицо.

У Мэйсона Верже были очень красивые волосы, и самое странное было в том, что именно на них было тяжелее всего смотреть. Черные с проседью, они были заплетены в косу, достаточно длинную, почти до пола, если ее сбросить с подушки. А сейчас коса была свернута в толстый жгут на груди, вернее, на похожей на панцирь черепахи крышке аппарата искусственного дыхания. Нормальные человеческие волосы над развалинами цвета прокисшего молока, коса отсвечивает, как рыба чешуя...

А под простыней на приподнятой больничной кровати – давно парализованное тело, истончающееся, переходящее в

ничто.

Перед лицом Мэйсона висел прибор управления – устройство из прозрачного пластика, похожее на флейту Пана или на губную гармошку. Он свернул язык трубочкой, коснулся кончика одной из трубок и выдохнул вместе со следующим циклом работы аппарата. Кровать отреагировала на это жужжанием мотора и слегка повернулась, чтобы обратить его лицом к Старлинг, и приподняла изголовье.

– Я благодарю Бога за все, что со мной случилось, – произнес Верже. – Для меня это было спасение. Вы приняли Иисуса, мисс Старлинг? Вы верующая?

– Я воспитывалась в строгой религиозной атмосфере, мистер Верже. И сохранила все, что тогда приобрела, – ответила Старлинг. – А теперь, если вы не возражаете, я прикреплю вам вот это к наволочке. Так не будет мешать, правда? – Голос ее звучал слишком деловито, как у медицинской сестры, и ей это не нравилось.

Ее рука рядом с его головой; понимание того, что они почти соприкасаются, отнюдь не помогало Старлинг сохранить присутствие духа, да и пульсация крови в сосудах, оплетающих под кожей кости его черепа, чтобы питать кровью ткани, тоже этому не способствовала – сосуды регулярно расширились, напоминая червей, заглатывающих пищу.

Она приладила микрофон и, расправляя провод, отошла наконец к столу, где стояли ее диктофон и еще один микрофон.

– Говорит специальный агент Клэрис М. Старлинг, личный номер в ФБР 514690. Записываются показания Мэйсона Р. Верже, номер карточки соцстраха 475989823, у него дома, в день, указанный выше, личность установлена, дееспособность проверена. Мистер Верже осведомлен, что ему гарантируется неприкосновенность и иммунитет от судебного преследования от имени государственного прокурора Тридцать шестого судебного округа США и от имени местных властей, что и подтверждается их совместным заявлением, подлинность которого подтверждена и заверена. Так, а теперь, мистер Верже...

– Я хочу рассказать вам о лагере, – перебил он вместе со следующим своим выдохом. – Это замечательные воспоминания детства, и теперь я, в сущности, к ним вернулся.

– Мы, конечно, можем это обсудить, мистер Верже, но мне казалось...

– Конечно, мы можем это обсудить прямо сейчас, мисс Старлинг. Понимаете, все это тоже важно. Именно так я пришел к Иисусу, и это самое важное, что я хочу вам сказать. – Он выдерживал паузу, пока аппарат делал вдох. – Это был лагерь Ассоциации молодых христиан, и мой отец оплачивал все – полностью все содержание ста двадцати пяти отдыхающих на берегу озера Мичиган. Некоторые из них были совсем несчастные ребята – они готовы были все отдать за шоколадный батончик... Может быть, я этим и пользовался, может быть, я бывал с ними груб, если они не брали у меня

шоколад и не делали то, что я хочу, – но я на них не в обиде, потому что теперь все уже в порядке.

– Мистер Верже, давайте посмотрим на некоторые материалы...

Но он ее не слышал, он просто ждал, когда респиратор подаст ему воздух для следующего вдоха.

– Я теперь неподсуден, у меня иммунитет, мисс Старлинг, так что теперь все в порядке. Я получил иммунитет от Иисуса, я получил иммунитет от государственного прокурора, я получил иммунитет от окружного прокурора из Оуингс-Миллз, аллилуйя! Я теперь свободен, мисс Старлинг, и теперь все в порядке. Я воссоединился с Ним, и теперь все в порядке. Он для нас тогда был Иисус Воскресший, тогда, в лагере, мы звали Его просто ИсВос. Никто не победит ИсВоса! Мы Его осовременили, понимаете? ИсВос. Я служил Ему в Африке, аллилуйя, я служил Ему в Чикаго, да святится имя Его, и я служу Ему теперь, и поднимет Он меня с одра моего, и поразит Он врагов моих, и обратит их вспять предо мною, и я услышу плач их жен, и теперь все в порядке. – Он поперхнулся слюной и остановился, а сосуды на лицевой части черепа потемнели и запульсировали сильнее.

Старлинг встала, чтобы позвать медсестру, но голос остановил ее прежде, чем она дошла до двери.

– Все в порядке, теперь уже все в порядке.

Может быть, лучше задать прямой вопрос, чем пытаться наводить его на нужную тему?

– Мистер Верже, вы когда-нибудь раньше видели доктора Лектера, до того, как суд назначил его вашим лечащим врачом? Вы с ним встречались в обществе?

– Нет.

– Но вы оба входили в состав попечительского совета Балтиморского филармонического оркестра.

– Нет, я считаюсь его членом просто потому, что наша семья всегда была спонсором этого оркестра. Когда нужно было голосовать, я посылал на заседания своего адвоката.

– Вы ни разу не сделали никакого заявления во время суда над доктором Лектером. – Она уже привыкала соизмерять свои вопросы с ритмом его дыхания, чтобы респиратор помогал ему отвечать.

– Мне сказали, что у них достаточно улик, чтобы осудить его хоть шесть раз. Хоть девять раз. А он ушел от всех обвинений, притворившись невменяемым.

– Это суд признал его невменяемым. Сам доктор Лектер не делал такого заявления.

– Вы считаете это различие важным? – спросил Мэйсон.

Его вопрос в первый раз позволил ей ощутить и понять его ум – цепкий и скрытный, совершенно не отражавшийся в лексике, которой он пользовался в беседе с ней.

Огромный угорь, уже успевший привыкнуть к горящему свету, вынырнул из-под камней на дне аквариума и начал свое неустанное кружение – переливающаяся коричневая лента, красиво усыпанная неправильными пятнами кре-

мового цвета.

Старлинг теперь все время ощущала его присутствие, краем глаза отмечая его перемещение.

– Это Мигаепа КЫако, – сказал Мэйсон. – Есть еще более крупный экземпляр, живет в аквариуме в Токио. Этот второй по величине. Его называют «злая мурена» – хотите знать почему?

– Нет, – ответила Старлинг и перевернула страничку в блокноте. – Итак, в ходе назначенного судом лечения, мистер Верже, вы пригласили доктора Лектера к себе домой.

– Я больше ничего не стыжусь. И все вам расскажу. Теперь все в порядке. Я получил сполна по всем этим сфабрикованным обвинениям в растлении малолетних, раз уж отработал пятьсот часов на общественных работах – а я работал в приемнике для бездомных собак, – потом проходил лечение под наблюдением доктора Лектера. Я тогда подумал, что если мне удастся на чем-то подловить этого доктора, он будет делать мне некоторые поблажки при лечении и не станет заявлять на меня в комиссию по условно-досрочному освобождению, если я пропущу пару сеансов или если заявлюсь к нему, слегка напирывшись.

– Это было тогда, когда у вас был дом в Оуингс-Миллз?

– Да. Я тогда все рассказал доктору Лектеру об Африке, об Иди Амине³⁷, обо всем, и я обещал ему, что покажу кое-

³⁷ Иди Амин – президент Уганды в 1971–1979 гг., кровавый диктатор, развлекавшийся, в частности, каннибализмом.

что из своего снаряжения.

– Что покажете ему?..

– Разные приспособления. Игрушки. Вон там, в углу, лежит портативная гильотина. Я ею пользовался, когда служил у Иди Амина. Ее можно забросить на заднее сиденье джипа и взять с собой куда угодно, в самые дальние деревни. Собирается за пятнадцать минут. Да еще минут десять требуется приговоренному, чтобы приготовить ее к работе – с помощью лебедки. Ну, может, чуть больше, если это женщина или ребенок. Я ничего этого не стыжусь, потому что прошел очищение.

– Итак, доктор Лектер приехал к вам домой.

– Да. Я сам открыл ему дверь – а я был немного под балдой, понимаете? Хотел увидеть его реакцию и не увидел. Я думал, что он испугается меня, но он, кажется, не испугался. Испугается! Теперь это кажется смешным. Я пригласил его наверх. И показал ему – я ведь взял себе тогда двух собак из того приемника для бездомных, двух собак, они были мне друзьями, я держал их в клетке и давал им вволю воды, но никакой пищи. Мне было любопытно, что из этого в конечном итоге выйдет.

Я показал ему мое устройство с затяжной петлей, знаете, для эротической асфиксии, когда сам себя вроде душишь, но не совсем, это так здорово, возникает такое ощущение... Вы понимаете?

– Я понимаю.

– Ну а он будто не понимал. И спросил, как эта штука действует, а я ему говорю, какой вы странный психиатр, раз такого не знаете, а он говорит – никогда не забуду его улыбку при этом! – он говорит: «А вы мне покажите!» И тут я подумал: «Ага, вот ты мне и попался!»

– И вы ему показали...

– Я не стыжусь этого. Мы все учимся на ошибках. Я прошел очищение.

– Продолжайте, пожалуйста, мистер Верже.

– Ну, я опустил петлю вниз, встал напротив огромного зеркала и надел ее себе на шею, а пульт управления лебедкой держал в руке и уже начал колотить другой рукой, а сам наблюдал за его реакцией. И не заметил ничего. Я обычно хорошо читаю по лицу человека. Он сидел в кресле в углу, положив ногу на ногу, а пальцы рук сплел на колене. Потом встал, сунул руку в карман пиджака, весь такой элегантный, прямо как Джеймс Мэйсон³⁸, когда он достает зажигалку, и говорит: «А не хотите амилнитрита?³⁹» Ну, я и подумал: «Ага! Если он сейчас мне это предлагает, значит, теперь всегда должен будет давать. Чтобы сохранить свою докторскую репутацию и лицензию. Его ведь только по рецептам продают». Ну вот, если вы читали рапорт полиции, там у него бы-

³⁸ Джеймс Мэйсон – английский и американский киноактер, знаменитый в 40–60-е гг. (фильмы «Узник Зенды», «Рождение звезды», «Лолита», «Лис пустыни» и т. д.).

³⁹ Амилнитрит – сосудорасширяющее средство; используется также в качестве эротического стимулятора.

ло еще и многое другое, а не только амилнитрит.

– «Ангельская пудра»⁴⁰, амфетамины и ЛСД, – сказала Старлинг.

– Вот-вот, я и говорю. Он подошел к зеркалу, в которое я смотрелся, и выбил у меня стул из-под ног. И я повис. А он достает осколок стекла и дает его мне, а сам смотрит мне в глаза и говорит, что, может, мне теперь захочется этим осколком срезать себе все лицо. А потом он выпустил собак из клетки. И я скормил им собственное лицо. Говорят, это заняло много времени, срезать все с лица. Сам я не помню. Доктор Лектер сломал мне петлей шею. Потом собакам прочистили желудки в собачьем приемнике и извлекли назад мой нос, но не смогли приживить его обратно.

Старлинг потребовалось гораздо больше времени, чем нужно было на самом деле, чтобы привести в порядок бумаги на столе.

– Мистер Верже, ваша семья предложила награду за поимку доктора Лектера после того, как он бежал из-под стражи в Мемфисе.

– Да, миллион долларов. Один миллион. Мы дали объявления по всему свету.

– И вы предложили заплатить за любую информацию о нем, а не только за его задержание и осуждение, как обычно. Предполагалось, что вы будете делиться такой информацией с нами. Вы всегда соблюдали это условие?

⁴⁰ «Ангельская пудра» – наркотики – кокаин или амфетамин.

– Не всегда, но к нам ни разу не поступало ничего особенно интересного, чтобы сообщить вам.

– Откуда вы знаете? Вы что, сами отработывали некоторые версии?

– В достаточной мере, чтобы убедиться, что они ничего не стоят. Да и с какой стати делиться – вы ведь тоже никогда нам ничего не сообщали. У нас было одно сообщение с Крита, полная ерунда, потом еще одно из Уругвая, мы так и не смогли получить ему подтверждение. Хочу, чтобы вы поняли, мисс Старлинг, – это вовсе не месть, ничего общего. Я простил доктора Лектера, как наш Спаситель простил тех римских солдат, что мучили Его перед смертью.

– Мистер Верже, вы намекнули нашим сотрудникам, что у вас появилось кое-что новое.

– Посмотрите в ящике крайнего стола.

Старлинг достала из сумочки белые нитяные перчатки и натянула их. В ящике лежал большой конверт из манильской бумаги, твердый на ощупь и тяжелый. Она достала оттуда рентгеновский снимок и подняла его поближе к яркой лампе, светившей сверху. Это оказалась рентгенограмма левой руки, видимо поврежденной. Она пересчитала пальцы. Четыре плюс большой.

– Обратите внимание на пясть. Понимаете, о чем я говорю?

– Да.

– Сосчитайте костяшки пальцев. Пять костяшек!

– Если считать вместе с большим пальцем, у этого человека было на левой руке шесть пальцев. Как у доктора Лектера.

– Да, как у доктора Лектера.

Угол, где обычно указывают номер медицинской карточки и название медицинского учреждения, был отрезан.

– Откуда ее прислали, мистер Верже?

– Из Рио-де-Жанейро. Чтобы получить дальнейшую информацию, я должен сперва заплатить. Много. Вы можете подтвердить, что это рука доктора Лектера? Мне надо знать, прежде чем платить.

– Попытаюсь, мистер Верже. Мы сделаем все от нас зависящее. У вас сохранился конверт, в котором пришла эта рентгенограмма?

– Марго положила его в пластиковый пакет, она вам его отдаст. Если не возражаете, мисс Старлинг, давайте прервемся. Я несколько устал, и мне требуется врачебная помощь.

Едва Старлинг вышла из палаты, Мэйсон Верже дунул в крайнюю трубку и позвал: «Корделл!» Служитель из игровой комнаты вошел к нему в палату и прочел ему данные из папки с надписью «Управление социальной помощи детям, город Балтимор».

– Его зовут Франклин, так? Пусть он войдет, – сказал Мэйсон и выключил свет.

Маленький мальчик стоял один в углу под ярким светом, падавшим сверху, и, шурясь, смотрел в темноту.

Раздался звучный голос:

– Тебя зовут Франклин?

– Франклин, – ответил мальчик.

– С кем ты живешь, Франклин?

– С мамой, и с Ширли, и со Стрингом.

– А Стринг все время с вами живет?

– Не-а, когда живет, а когда нет.

– Ты сказал, «когда живет, а когда нет»?

– Ага.

– Мама ведь не настоящая твоя мама, Франклин?

– Приемная.

– И не первая приемная мать, у которой ты живешь? – Ага.

– Тебе нравится там жить, Франклин?

Мальчик заулыбался:

– У нас там кошка, Китти-Кэт. Мама делает пироги в духовке.

– Ты давно там живешь, с мамой?

– Не знаю.

– А они тебе устраивали праздник на день рождения? –

Один раз устраивали. Ширли вкусный сок приготовила, из порошка.

– Ты любишь сок?

– Ага, из клубники.

– Ты любишь маму и Ширли?

– Ага, люблю, и Китти-Кэт тоже.

– И ты хочешь и дальше там жить? Когда ты ложишься

спать, ты себя чувствуешь в полной безопасности?

– Ага. Я сплю в комнате с Ширли. Ширли, она уже большая.

– Франклин, ты больше не сможешь жить с мамой, и с Ширли, и с Китти-Кэт. Тебе придется уехать.

– Кто велел?

– Власти велели. Мама потеряла работу и разрешение на воспитание приемных детей. Полиция нашла у вас дома сигарету с марихуаной. Ты маму больше не увидишь. И Ширли тоже, и Китти-Кэт.

– Нет! – вырвалось у Франклина.

– А может, они просто сами не хотят тебя видеть, Франклин. Может, у тебя что-нибудь не в порядке? Болячки какие-нибудь или еще что-нибудь такое? А может, у тебя кожа слишком черная и они тебя поэтому не любят?

Франклин задрал подол рубашки и посмотрел на свой животик. И замотал головой. Он уже плакал.

– А знаешь, что будет с Китти-Кэт? Кстати, ее так и зовут?

– Так и зовут, Китти-Кэт. Имя такое.

– Так вот, знаешь, что будет с Китти-Кэт? Придет полицейский и заберет Китти-Кэт в приемник для бродячих кошек, а там доктор сделает ей укол. Тебе ведь делали уколы в детском садике? Медсестра делала тебе уколы? Такой блестящей иглой? Вот и Китти-Кэт сделают укол. Она очень испугается, когда увидит иголку. А они всадят ей эту иголку, и ей будет очень больно. И она умрет.

Франклин еще больше задрал подол рубашки и закрыл им лицо. И засунул в рот большой палец – он этого уже целый год не делал, с тех пор, как мама попросила его больше так не делать.

– Подойди сюда, – продолжал голос из темноты. – Подойди, и я расскажу тебе, как можно спасти Китти-Кэт от укола. Ты ведь не хочешь, чтоб Китти-Кэт сделали укол, а, Франклин? Тогда подойди сюда, Франклин.

Франклин медленно двинулся вперед, в темноту. Из глаз его продолжали течь слезы, и он сосал большой палец. Когда он оказался футах в шести от кровати, Мэйсон дунул в свой прибор и зажегся свет.

Франклин даже не вздрогнул – может быть, у него хватило прирожденного мужества, может быть, из-за желания помочь Китти-Кэт или от ужасного ощущения, что ему некуда скрыться. Он не убежал. Он стоял и смотрел Мэйсону в лицо.

Мэйсон, вероятно, нахмурился бы, если бы у него были брови. Он был разочарован результатами своих трудов.

– Ты можешь спасти Китти-Кэт от укола, если сам дашь ей крысиного яду, – сказал Мэйсон. Некоторые звуки в его речи отсутствовали, но Франклин все понял.

Франклин вынул палец изо рта.

– Ты поганая старая какашка, – произнес Франклин. – И еще урод. – Он повернулся и вышел из комнаты, прошел через холл между свернутых шлангов и вернулся в игровую

комнату.

Мэйсон следил за ним по экрану. Служитель повернулся в сторону мальчика и внимательно наблюдал за ним, притворяясь, будто читает свой «Вог».

Франклин больше не обращал внимания на игрушки. Он прошел в угол и сел под чучелом жирафа, лицом к стене. Это было все, что он мог сделать, чтобы не сосать палец.

Корделл внимательно следил, когда он заплачет. Увидев, что плечи мальчика вздрагивают, он подошел к нему и осторожно вытер слезы стерильными тампонами. Потом положил тампоны в стакан с мартини, который охлаждался для Мэйсона в холодильнике рядом с апельсиновым соком и кока-колой.

Отыскать медицинские документы доктора Лектера было делом нелегким. Если вспомнить, с каким глубочайшим презрением он относился к медицинскому истеблишменту и к большинству практикующих врачей, то вовсе не удивительно, что у него никогда не было личного лечащего врача.

Балтиморская спецбольница для невменяемых преступников, где доктор Лектер содержался до перевода в Мемфис, приведшего к столь катастрофическим последствиям, ныне была закрыта, а ее заброшенное здание ожидало сноса.

Полицейское управление штата Теннесси было последним учреждением, охранявшим доктора Лектера перед его побегом, однако там заявили, что так и не получили его медицинскую карту. Охранники, которые перевозили его из Балтимора в Мемфис, ныне покойные, расписались за заключенного, но не за его медицинские документы.

Старлинг потратила целый день на телефонные разговоры и поиски с помощью компьютера, а затем сама лично просмотрела склады вещественных доказательств в Квонтико и в здании имени Дж. Эдгара Гувера. Потом она все утро возилась в огромном, пропыленном и дурно пахнущем помещении склада для вещдоков в Балтиморском полицейском управлении, а вторую половину дня, уже кипя от ярости, разбирала сваленную в беспорядке коллекцию вещей Ганниба-

ла Лектера в Юридической библиотеке Фицхьюга, где время стоит на месте, пока библиотекари тщетно пытаются найти нужные ключи.

В конце концов у нее в руках оказалась одна-единственная бумага – результаты небрежного медицинского осмотра, проведенного после первого ареста доктора Лектера полицией штата Мэриленд. И никакой медицинской карты.

Инелла Кори пережила безвременную кончину Балтиморской спецбольницы для невменяемых преступников и нашла себе работу получше в Управлении больниц штата Мэриленд. Она не захотела, чтобы Старлинг расспрашивала ее в офисе, поэтому они встретились в кафетерии на первом этаже.

Старлинг давно уже взяла за правило являться на место встречи заранее, чтобы осмотреть позицию с некоторого расстояния. Кори была пунктуальна до минуты. Ей было лет тридцать пять, тяжеловесная бледная женщина без каких-либо следов косметики и украшений. Волосы длинные, почти до талии – так она, видно, носила еще в старших классах школы, – и белые сандалии с резинками.

Старлинг взяла с раздачи пакетики с сахаром и стояла, наблюдая, как Кори усаживается за столик, где они договорились встретиться.

Можно прожить всю жизнь в полном убеждении, что все протестанты выглядят совершенно одинаково. Но это совсем не так. Любой человек, родившийся на островах Карибского

моря, легко может отличить один остров от другого. Старлинг, выросшая и воспитанная в лютеранском приюте, едва взглянув на эту женщину, сразу же сказала себе: Церковь Христа, в крайнем случае, может быть, Назарейская Церковь⁴¹.

Старлинг сняла с себя все украшения – простенький браслет и золотую сережку из здорового уха – и положила в сумочку. Часы у нее были из пластика, так что все в порядке. Ничего другого со своей внешностью она уже сделать не могла.

– Вы Инелла Кори? Хотите кофе? – Старлинг принесла к столику две чашки.

– Мое имя произносится как Айнел. Кофе я не пью.

– Ладно, я выпью обе чашки. Может, взять вам чего-нибудь другого? Я – Клэрис Старлинг.

– Нет, я ничего не хочу. Может, вы мне покажете удостоверение с фото?

– Несомненно, – сказала Старлинг. – Мисс Кори... можно, я буду вас звать Айнел?

Женщина пожала плечами.

– Айнел, мне нужна помощь по делу, которое совершенно не касается вас лично. Мне нужен совет, как найти некоторые документы из Балтиморской спецбольницы.

Айнел Кори говорит с преувеличенной четкостью, чтобы

⁴¹ Церковь Христа, Назарейская Церковь – ортодоксальные протестантские конгрегации в США, близкие к баптистам и методистам.

подчеркнуть свою правоту или возмущение:

– Мы все это уже проделали, в Управлении больниц, во время закрытия, мисс... Старлинг. Сами можете убедиться, что ни один пациент не был отправлен из нашей больницы без медицинской карты. Сами можете убедиться, что ни одна карта не была отправлена из спецбольницы без разрешения начальства. Что же касается умерших пациентов, то Департаменту здравоохранения их документы были не нужны, и Статистическое бюро не пожелало их забрать, и, насколько мне известно, «мертвые карты», то есть карты умерших пациентов, оставались в Балтиморской спецбольнице после моего ухода оттуда, а я была одной из последних, кого оттуда уволили. А беглых отправили в городское полицейское управление и в управление шерифа.

– Беглых?

– Ну да, тех, кто убежал от нас. Заключение ведь иногда убегают.

– Значит, доктор Лектер мог попасть в категорию беглых. Как по-вашему, его документы могли быть отправлены в органы правопорядка?

– Для нас он не беглый. И никогда не попадал в категорию наших беглых. Он находился в заключении не у нас, когда бежал. Я один раз спускалась туда, в подвал, посмотреть на доктора Лектера, и показала его своей сестре – она тогда приезжала ко мне со своими мальчиками. Меня всегда словно холодом обдаёт и начинает тошнить, когда я вспоминаю

об этом. Он подстрекал одного из своих соседей кинуть в нас, – тут она понизила голос, – свою малафейку. Знаете, что это такое?

– Да, я слыхала этот термин, – ответила Старлинг. – Это, наверное, был мистер Миггз, верно? Он хорошо умел кидаться.

– Я это все выбросила из памяти. А вот вас я помню. Вы приходили к нам в больницу и говорили с Фредом – с доктором Чилтоном, а потом спускались туда, в этот подвал, где был Лектер, правильно?

– Да.

Доктор Фредерик Чилтон был директором Балтиморской спецбольницы для неменяемых преступников. После побега доктора Лектера он однажды уехал в отпуск и с тех пор числился пропавшим без вести.

– Вы, наверное, знаете, что Фред пропал.

– Да, я слыхала об этом.

У мисс Кори на глазах выступили слезы.

– Он был моим женихом, – произнесла она. – Он пропал, а потом закрыли больницу, все было так, словно мне потолок на голову обрушился. Если бы не моя церковь, я бы всего этого не пережила.

– Мне очень жаль, – сказала Старлинг. – Теперь у вас хорошая работа.

– Но нет рядом Фреда. Это был прекрасный, просто прекрасный человек. И мы так любили друг друга! Такое не каж-

дый день встречается! Его ведь избрали однажды Парнем года, когда он учился в старших классах, в Кантоне, в Коннектикуте.

– Мне уже пора, Айнел, еще один вопрос: где он держал медицинскую документацию – у себя в кабинете или в приемной, где ваш стол?

– Все документы хранились в стенных шкафах в его кабинете, но потом их скопилось так много, что мы поставили новые шкафы в приемной. Они всегда были заперты, конечно. Когда нас стали выселять, в помещение въехала метадоновая клиника⁴² – временно, но все равно все вещи много раз перетаскивали с места на место.

– А вы когда-нибудь видели карту доктора Лектера? Держали ее в руках?

– Конечно.

– Случайно, не помните, в ней были какие-нибудь рентгеновские снимки? И вообще, снимки обычно хранились внутри карты или отдельно?

– Внутри. Их всегда вкладывали в медкарту. Они были больше по размеру, и с ними неудобно было обращаться. У нас был свой рентгеновский аппарат, но постоянного рентгенолога не держали, поэтому и не было отдельных медкарт в рентген-кабинете. Я, честное слово, уже не помню, были в его карте снимки или нет. Вот энцефалограмма там была,

⁴² Метадоновая клиника – больница, в которой для лечения наркоманов используется болеутоляющее средство метадон.

Фред ее часто показывал приезжавшим. Доктор Лектер – не хочу даже называть его доктором! – был весь опутан проводами от энцефалографа, когда напал на эту бедную медсестру. И что самое ужасное, у него даже пульс не изменился, когда он на нее напал. Ему сломали руку санитары, понимаете, они все набросились на него, пытаясь оторвать от нее. Вот потом и пришлось делать рентгеновский снимок. Они бы ему не только руку сломали, будь на то их воля...

– Если вам что-нибудь придет в голову, где могут храниться эти документы, позвоните мне, ладно?

– Мы начнем, что называется, глобальный поиск, так? – Мисс Кори явно нравился этот термин. – Только не думаю, что мы что-нибудь найдем. Ведь многие архивы были просто брошены, не нами, а этими, из метадоновой клиники.

У кофейных кружек были толстые края, и капли с них стекали по стенкам. Старлинг наблюдала, как Айнел Кори, тяжело переваливаясь, идет к дверям – прямо-таки воплощенное страдание, а затем залпом проглотила оставшийся кофе, заткнув за воротник салфетку.

Старлинг понемногу приходила в себя. Она понимала, что что-то здесь ее здорово раздражает. Может быть, скверный запах, нет, что-то большее, чем просто скверный запах, может быть, вся эта безвкусица. Равнодушие к вещам, которые радуют глаз. Может быть, она соскучилась по стильной обстановке. Пусть даже псевдоаристократический стиль – и то было бы лучше, чем ничего. Да, вот так я считаю, нравится

это вам или нет.

Старлинг произвела некоторый самоанализ, пытаясь обнаружить в себе признаки снобизма, и решила, что снобом ей становиться не с чего. Потом, думая о стиле, она вспомнила Эвельду Драмго, у которой со стилем было все в порядке. При этой мысли Старлинг вдруг страшно захотелось снова выпустить пар.

И Старлинг вернулась туда, где все это начиналось, в Балтиморскую спецбольницу для невменяемых преступников штата Мэриленд, ныне уже не действующую. Старое здание бурого цвета, пристанище боли, ныне закрытое и запертое, изрисованное граффити и ожидающее сноса.

Спецбольница и так уже долгие годы разваливалась, еще до того, как во время своего отпуска исчез ее директор, доктор Фредерик Чилтон. Последующие разоблачения неправильного и незаконного расходования средств и полный износ здания вскоре привели к тому, что законодатели прекратили перечисление средств на содержание больницы. Часть пациентов перевели в другие аналогичные учреждения штата, некоторые умерли, а еще несколько теперь бродили по балтиморским улицам как привидения, зомбированные хлорпромазином⁴³, и состояли амбулаторными пациентами разных недоношенных лечебных программ, что уже не одного из них привело к смерти под забором от переохлаждения.

Дожидааясь сторожа возле старого здания, Старлинг вдруг поняла, что она именно потому в первую очередь и занялась другими возможными версиями, что не хотела вновь прихо-

⁴³ Хлорпромазин – медицинский препарат, применяется, в частности, как успокаивающее при лечении душевнобольных.

дить сюда.

Сторож опоздал на сорок пять минут. Это оказался толстый старик с ножным протезом, стучавшим, как копыто, и стрижкой явно восточноевропейского фасона, которую ему, вероятно, сделали еще на родине. Он задыхался от одышки, когда шел со Старлинг к боковой двери. К двери которой вели несколько ступеней, спускавшихся от тротуара. Дверной замок был уже вскрыт мародерами, так что дверь была заперта на цепь с двумя висячими замками. Звенья цепи оплела густая паутина. Трава, выросшая в трещинах ступеней, щекотала Старлинг лодыжки, пока сторож возился с ключами. День клонился к вечеру, небо было хмурым, свет едва проникал сквозь тучи и не давал теней.

– Я не очень хорошо знать это дом, я только пожарный сигнализация проверяю, – сказал сторож.

– А вы не знаете, там еще хранятся какие-нибудь документы? Там есть шкафы, какие-нибудь архивы?

– Как уехал больница, тут был метадоновый клиника, несколько месяц. – Сторож пожал плечами. – Они все несли в подвал – кровать, постель, не знаю, что еще. Там плохо, на низу, для мой астма, там плесень, плохой плесень. Все матрас на кровать – все плесень. Мне не можно дышать. Чертов ступенька тоже плохо для мой нога. Я мог показать, только...

Старлинг была бы рада любой компании, даже такой, но с ним, похоже, дело займет слишком много времени.

– Ладно, не надо. Где ваша контора?

– Дальше по улиц, квартал отсюда, там раньше был бюро выдачи водительский права.

– Если я не вернусь через час...

Он посмотрел на часы:

– У меня через полчаса кончился день.

Так! Ну, с меня хватит, черт бы вас всех подрал!

– Знаете, что вы сейчас сделаете, сэр? Сядете в своей конторе и будете ждать, пока я не верну вам ключи. Если меня через час не будет, позвоните вот по этому телефону – номер указан на карточке, и сообщите им, куда я отправилась. Если вас не окажется на месте, когда я вернусь, – закроете офис и уйдете домой, – я завтра же утром лично доложу о вас вашему начальству. А кроме этого... кроме этого, вас еще проверят из Налогового управления и из Бюро иммиграции и... натурализации. Вы все поняли? Я жду ответа, сэр.

– Да, я буду вас ожидать. И не надо так говорить.

– Премного вам благодарна, сэр, – сказала Старлинг. Сторож взялся обеими руками за перила, чтобы облегчить себе обратный подъем на тротуар, и Старлинг слышала его неровные удаляющиеся шаги, пока они не стихли вдали. Она толчком распахнула дверь и ступила на площадку пожарной лестницы. Забранное решеткой окошко, почти под потолком, пропускало внутрь серый свет. Она хотела было запереть за собой дверь, но потом просто завязала цепь внутри узлом, чтобы иметь возможность выйти, если потеряет ключ.

В предыдущие разы, когда Старлинг посещала спецбольш-

ницу для бесед с доктором Лектером, она входила через главный вход, поэтому теперь ей потребовалось некоторое время, чтобы сориентироваться.

Она поднялась по пожарной лестнице на второй этаж. Матовые окна пропускали внутрь совсем мало света, так что в помещении царил полумрак. Старлинг включила свой мощный фонарь, с его помощью нашла выключатель и зажгла верхнее освещение – в разбитой люстре еще горели три лампы. На столе в приемной валялись оголенные концы телефонных проводов.

В здании явно не раз побывали вандалы, вооруженные баллончиками с краской. Стену приемной украшало восьмифутовое изображение фаллоса с яичками и надпись: «Отсоси, маманя!»

Дверь в кабинет директора была распахнута. Старлинг остановилась на пороге. Именно сюда она явилась, выполняя свое первое задание в ФБР, когда была еще курсантом, когда еще всему верила, считала, что если сумеешь хорошо выполнить задание, сумеешь отличиться, тогда тебя примут, невзирая на расу, веру, цвет кожи, национальность, происхождение, а также на то, относишься ты к категории старых добрых друзей или нет. Из всего этого теперь остался только один пункт, в который она еще верила: что она может отличиться.

Вот здесь директор спецбольницы Чилтон подал ей свою сальную лапу и пытался купить ее по дешевке. Здесь он пы-

тался торговать своими секретами, подслушивал и, считая себя не менее умным, чем Ганнибал Лектер, добился принятия решения, которое позволило Лектеру бежать, пролив при этом столько крови.

Стол Чилтона по-прежнему стоял в кабинете, но стула уже не было – его было легко утащить. Ящики стола были опустошены, валялась только пачка «алка-зельцера». Шкафы для документов тоже стояли на своих местах. Замки в них были простенькие, так что бывший технический оперативный сотрудник Старлинг вскрыла их менее чем за минуту. Она могла бы воспользоваться своим сотовым телефоном и вызвать наряд городской полиции, чтобы они вместе с ней спустились в подвал. Она могла бы попросить и Балтиморское отделение ФБР прислать ей в помощь еще одного агента. Но серенький день уже клонился к вечеру, и она не успевала избежать часа пик на шоссе в Вашингтон, даже если бы уехала прямо сейчас. А если подождать, будет еще хуже.

Она оперлась о пыльный стол Чилтона и попыталась прийти к какому-нибудь решению. Что ее влечет сюда? Действительно ли она считает, что в подвале могут еще оставаться архивные документы, или ее просто тянет на место, где она впервые встретилась с Ганнибалом Лектером?

Если работа в правоохранительных органах позволила Старлинг узнать о себе хоть что-то новое, так это то, что она вовсе не склонна искать приключений на свою голову и была бы вполне счастлива, если бы ей никогда больше не при-

шлось испытывать страх. Но ведь в подвале действительно могут оставаться документы. И это легко выяснить всего за пять минут.

Она прекрасно помнила лязг тяжелых дверей отделения строгого режима – как они захлопнулись за ней впервые тогда, семь лет назад. На тот случай, если кому-нибудь вздумается захлопнуть их за ней и на этот раз, она позвонила в Балтиморское отделение и сообщила, где находится, и договорилась, что перезвонит через час, чтобы сообщить, что благополучно выбралась оттуда.

На внутренней лестнице, по которой Чилтон сопровождал ее в подвал годы назад, свет тоже горел. Здесь он разъяснял ей тогда меры безопасности, которые предпринимались при общении с Ганнибалом Лектером, а вот здесь он остановился, под этой лампочкой, чтобы достать из бумажника и продемонстрировать ей фото медсестры, которой доктор Лектер откусил язык и съел его. Несчастливая женщина просто хотела провести его медицинский осмотр. И если потом санитары сломали доктору руку, когда вязали его, в его медицинской карте, безусловно, должен оставаться рентгеновский снимок.

Щеки коснулся порыв сквозняка, гулявшего на лестнице, как будто где-то было открыто окно.

На площадке валялись коробка из-под гамбургера от «Макдоналдса» и несколько салфеток. Грязный стаканчик, в котором когда-то была фасоль. Пищевые отбросы. Кучки

дерьма и использованные салфетки в углу. Свет достигал только нижней лестничной площадки, его граница проходила рядом с огромной стальной дверью перед отделением для буйных, которая сейчас была распахнута настежь и прицеплена крюком к стене. У Старлинг был хороший фонарь с пятью батарейками, он давал мощный и широкий луч света.

Она посветила в глубь длинного коридора бывшего отделения строгого режима. В дальнем конце его виднелось что-то громоздкое. Было очень странно видеть двери камер открытыми. Пол был засыпан обертками от хлеба и стаканчиками. На столе, за которым раньше сидел санитар, валялась банка из-под содовой, черная от многократного нагревания при приготовлении наркотиков.

Она пощелкала выключателями позади поста санитаря. Никакого результата. Достала свой сотовый телефон. Красный огонек индикатора казался очень ярким в окружающем полумраке. Под землей телефон был бесполезен, но она громко произнесла в микрофон:

– Барри, подай грузовик задом к боковому входу. И принеси сюда большой прожектор. Нам понадобится тележка, чтобы все это поднять наверх... да-да, давай спускайся сюда.

Потом Старлинг громко произнесла, обращаясь в темноту:

– Внимание, вы, там! Я офицер федеральной службы. Если вы скрываетесь здесь, можете свободно уйти. Я не собираюсь вас арестовывать. Вы меня вообще не интересуете. Если

вы вернетесь после того, как я закончу свои дела, меня это не касается. Но уходите немедленно. Если попыдаете мне помешать, рискуете получить тяжелые телесные повреждения. Глаз на жопу натяну! Благодарю за внимание.

Голос ее эхом отдавался от стен коридора, где столько людей когда-то надрывались до хрипоты и грызли решетки даже деснами, когда оставались без зубов.

Старлинг припомнила, как ей помогало присутствие здесь этого огромного санитаря, Барни, когда она приходила сюда для бесед с доктором Лектером. И странную учтивость, которую Барни и доктор Лектер проявляли по отношению к ней. Нет больше здесь никакого Барни. Что-то из школьной программы всплыло в памяти, что-то из того, что учили наизусть, и она заставила себя припомнить, что именно.

Как эхо в памяти звучат шаги
В тот коридор, куда мы не пошли,
К дверям, что так и не открыли,
Ведущим в сад, цветущих полный роз⁴⁴.

Сад, цветущих полный роз, как же! Здесь уж точно розами не пахнет!

Старлинг, которую пресса в последнее время приучила буквально ненавидеть собственное оружие, равно как и самое себя, сейчас вдруг обнаружила, что ощущение пистоле-

⁴⁴ Т. С. Элиот. «Бернт Нортон», сборник «Четыре квартета».

та в руке вовсе не вызывает негативных эмоций, когда чувствуешь себя не совсем уверенно. Держа «кольт» у бедра, она двинулась вперед по коридору вслед за лучом фонаря. Было очень трудно следить одновременно за обоими флангами и не забывать о том, что кто-то может появиться и сзади. Где-то капала вода.

Разобранные на части кровати, сложенные в камерах. Матрасы в других камерах. В центре коридора скопилась вода. Старлинг, как всегда оберегая туфли, переступила через эту небольшую лужу, продвигаясь внутрь помещения. И вспомнила совет Барни, данный ей тогда, годы назад, когда в камерах еще были обитатели. «Будете идти по коридору, держитесь середики».

Шкафы для документов, вот они. Стоят по центру коридора по всей его длине, мрачного оливкового цвета в свете ее фонаря.

Здесь, в этой камере, сидел «Многократник» Миггз. Мимо него она просто терпеть не могла проходить. Миггз, который шептал ей всякие гадости и обрызгал ее спермой. Миггз, которого доктор Лектер убил, приказав ему проглотить собственный грязный и гнусный язык. А когда Миггз умер, в камеру поместили Сэмми. Того самого Сэмми, чье поэтическое творчество так поощрял доктор Лектер, и это произвело на поэта неизгладимое впечатление. Она и сейчас прекрасно помнила, как завывал Сэмми, декламируя свои стихи:

Я ХАЧУ УЙТИ К ИССУССУ
Я ХАЧУ С ХРЕСТОМ ПАЙТИ
Я СМАГУ УЙТИ С ИССУССОМ
ЭСЛЕ БУДУ ХАРАШО СИБЯ ВЕСТИ.

У нее до сих пор сохранился этот текст, записанный край-
оным карандашом.

Теперь камера была забита матрасами и тюками с постель-
ным бельем, увязанным в простыни.

Вот наконец и камера доктора Лектера.

Прочный стол, за которым он читал, по-прежнему стоял,
привинченный к полу, в центре камеры. Полки, на которых
стояли его книги, теперь были без досок, но кронштейны все
еще торчали из стен.

Старлинг нужно было заняться шкафами, но она стояла,
словно прикованная к камере. Здесь произошла самая за-
мечательная встреча в ее жизни. Здесь она тогда испытала
удивление, шок, изумление...

Здесь она услышала о себе вещи до ужаса истинные, так
что ее сердце отозвалось подобно огромному колоколу.

Она хотела войти внутрь. Она хотела войти внутрь ка-
меры, это было такое непреодолимое желание, как желание
спрыгнуть с балкона, как манит к себе блеск рельсов, когда
слышишь грохот приближающегося поезда.

Старлинг посветила фонарем вокруг себя, осмотрела зад-
нюю часть шкафов для документов, потом направила луч на
соседние камеры.

Любопытство заставило ее переступить через порог. Она стояла теперь в центре камеры, где доктор Лектер провел восемь лет. Она занимала его место, его пространство, то самое, где видела его тогда, и уже подумала было, что ее сейчас проймет дрожь, но этого не случилось. Положила пистолет и фонарь на его стол, аккуратно, чтобы фонарь не скатился, а потом положила на его стол и ладони, но нащупала только сухие крошки.

Ничего, кроме разочарования. Камера была пуста, свободна от своего бывшего обитателя, как сброшенная змеей старая кожа. И Старлинг подумала, что кое-что стала теперь понимать: смерть и опасность вовсе не обязаны являться в парадном мундире. Они могут явиться и в виде поцелуя возлюбленного. Или в солнечный день, рядом с рыбным рынком, под звуки «Макарены», несущиеся из динамиков магнитолы.

Ладно, ближе к делу. Перед ней стоял ряд шкафов длиной около восьми футов, в целом – четыре шкафа высотой до подбородка. В каждом было по пять ящиков, закрывающихся с помощью одного английского замка в верхнем ящике. И ни один из замков не был заперт. Все ящики были заполнены папками с документами, некоторые толстые, все забраны в картонные корочки. Старые папки из «мраморного» картона от времени стали хлипкими, а более новые были сделаны из толстой манильской бумаги. Медицинские карты давно умерших людей, относящиеся к тем временам, когда была

основана эта спецбольница, к 1932 году. Они размещались приблизительно в алфавитном порядке, а некоторые материалы были засунуты плашмя позади папок, в дальних углах длинных ящиков. Старлинг быстро просмотрела папки, держа тяжелый фонарь на плече и пробегая пальцами свободной руки по картонным обложкам. Она пожалела, что не захватила с собой маленький фонарик, который можно зажать в зубах. Как только она немного разобралась в системе хранения, она смогла пропускать уже целые ящики, не просматривая папки под литерой «И», небольшое количество карт под литерой «К», стремясь поскорее добраться до «Л». Вот наконец: «Лектер, Ганнибал».

Старлинг извлекла большую папку из манильской бумаги, сразу ее ощупала, есть ли внутри рентгеновский снимок, положила папку поверх других медкарт, открыла ее и обнаружила внутри историю болезни покойного И. Дж. Миггза. Черт побери! Этот Миггз, кажется, будет ее преследовать до гробовой доски! Она переложила папку наверх шкафа и быстро просмотрела папки на «М». Папка с фамилией Миггза была на месте, где ей и полагалось по алфавиту. Она была пуста. Ошибка? Кто-то случайно положил документы Миггза в папку Ганнибала Лектера? Она просмотрела все папки на «М» в надежде обнаружить документы без обложки. Потом вернулась к литере «К», все более осознавая, что это начинает ее здорово бесить. Запах помещения раздражал все сильнее. Сторож был прав, здесь трудно дышать. Она уже

просмотрела половину дел на «К», когда поняла, что запах... все время усиливается.

Какой-то плеск сзади – и она резко обернулась, заноса фонарь для удара, другая рука скользнула под блейзер, к рукоятке пистолета. В мощном луче фонаря в луже воды стоял высокий человек в грязных лохмотьях. Одна его нога чудовищно распухла. Одну руку он выставил в сторону, в другой держал осколок разбитой тарелки, а обе его ступни были обмотаны полосами разорванной простыни.

– Привет, – произнес он еле ворочающимся в воспаленном рту языком.

Даже через разделявшие их пять футов Старлинг ощущала исходящий у него изо рта мерзкий запах. Рука ее под блейзером переместилась с пистолета на газовый баллончик.

– Привет, – ответила она. – Не могли бы вы встать вон туда, к решетке?

Мужчина не двинулся.

– Ты Иссусс? – спросил он.

– Нет, – ответила Старлинг. – Я не Иисус. – Какой знакомый голос. Старлинг лихорадочно пыталась припомнить...

– Ты Иссусс?! – Его лицо исказила гримаса.

Голос! Думай же, вспоминай!

– Привет, Сэмми, – произнесла она. – Как ты поживаешь? Я как раз думала о тебе.

А что о нем думать? Мозг быстренько подал всю нужную информацию, правда, не совсем в нужном порядке.

Положил отрезанную голову своей матушки на поднос для жертвований, пока прихожане пели «Отдайте все лучшее Господу». И заявил, что это самое лучшее, что у него есть. Баптистская Церковь Широкого Пути, где-то в глухой провинции. И был очень зол, как говорил доктор Лектер, что Христос все никак не приходит.

– Ты – Иссусс? – спросил он опять, на этот раз жалобно. Потом сунул руку в карман, вытащил сигаретный бычок, длинный, почти в два дюйма. Положил его на осколок тарелки и протянул ей как жертвование.

– Сэмми, мне очень жаль, но я не Иисус. Я...

Сэмми вдруг ожил, заметался в ярости, что она не Иисус, и его голос гулко понесся по коридору:

Я ХАЧУ УЙТИ К ИССУССУ
Я ХАЧУ С ХРЕСТОМ ПАЙТИ

Он поднял осколок тарелки, занося его острый конец, как мотыгу, и сделал шаг к Старлинг, ступив обеими ногами в лужу, лицо искажено судорогой, свободная рука цапает воздух в пространстве между ними.

Старлинг чувствовала, как шкаф больно врезается ей в спину.

– СМОЖЕШЬ ТЫ УЙТИ С ИИСУСОМ... ЕСЛИ БУДЕШЬ ХОРОШО СЕБЯ ВЕСТИ, – процитировала Старлинг, четко и громко, как будто он стоял далеко и она старалась

до него докричаться.

– Ага, – сказал Сэмми совершенно спокойно и остановился.

Старлинг пошарила в сумочке, нащупала шоколадный батончик.

– Сэмми, у меня есть «Сникерс». Ты любишь «Сникерсы»?

Он ничего не ответил.

Она положила батончик на папку и протянула ему, как он протягивал ей осколок тарелки.

Он впился в батончик зубами, даже не сняв обертку, потом выплюнул бумагу и откусил почти половину «Сникерса».

– Сэмми, здесь кто-нибудь еще бывает?

Он пропустил ее вопрос мимо ушей, положил остаток батончика на свою тарелку и исчез за грудой матрасов, валявшихся в его бывшей камере.

– Это что еще за хреновина? – Женский голос. – Спасибо, Сэмми.

– А вы кто? – окликнула Старлинг.

– Не твое собачье дело.

– Вы здесь с Сэмми живете?

– Конечно нет. Я сюда на свидание пришла. Может, оставишь нас в покое?

– Сейчас. Только ответьте на мой вопрос. Вы здесь давно?

– Две недели.

– Здесь еще кто-нибудь был?

– Какие-то бродяги. Сэмми их выгнал.

– Сэмми вас защищает?

– Поторчи тут с нами – сама узнаешь. Я могу ходить и нахожу чего пожрать. А у него есть безопасное место, чтоб спокойно пожрать. Многие так сходятся.

– И никто из вас не получает никакой помощи? Может, вы хотите, чтоб вас включили в какую-нибудь программу помощи? Я могу в этом посодействовать.

– Он уже пытался. Безнадега. Идешь туда, к ним, в большой мир, делаешь все это дерьмо, как тебе говорят, а потом возвращаешься обратно, все без толку. Ты что, ищешь тут что-нибудь? Чего тебе тут надо?

– Документы кое-какие.

– Если их тут нет, значит, их сперли. Не надо большого ума, чтоб понять.

– Сэмми! – позвала Старлинг. – Сэмми?

Сэмми не ответил.

– Он спит, – сказала его подружка.

– Если я оставлю вам денег, вы купите какой-нибудь еды? – спросила Старлинг.

– Не-а, я лучше выпивку куплю. Еду можно найти. А выпивку не найдешь. Смотри, чтоб тебе дверью по заднице не врезало, когда будешь выходить.

– Я оставлю деньги на столе, – сказала Старлинг. Она чувствовала себя так, словно бежит отсюда. И припомнила, как

уходила от доктора Лектера, припомнила, как старалась держать себя в руках, когда шла к островку спокойствия и безопасности, каким ей представлялся пост санитаря Барни.

Пользуясь светом, падавшим с лестницы, Старлинг достала из бумажника 20-долларовый банкнот. Положила деньги на брошенный, исцарапанный стол Барни и прижала пустой винной бутылкой. Развернула пластиковую сумку и засунула в нее папку Лектера с историей болезни Миггза, а также пустую папку Миггза.

– До свидания. Пока, Сэмми, – сказала она человеку, который вышел было в большой мир, но вернулся в тот ад, который он знал лучше. Она еще хотела сказать ему, что Иисус скоро придет, но это прозвучало бы слишком глупо.

Старлинг выбралась на свет, чтобы продолжить собственное кружение в большом мире.

Если на дороге, ведущей в ад, есть боковые съезды, они, вероятно, очень похожи на въезд для машин «Скорой помощи» в здание клинической больницы «Мизерикордия» штата Мэриленд. Здесь, посреди замирающих завываний сирен и вздохов умирающих, грохота перемазанных кровью каталок, криков и стонов, поднимаются столбы пара из канализационных колодцев, подкрашенные красным светом от огромной неоновой надписи «Скорая помощь», напоминающей Моисеев столп огненный ночью, превращающийся в столп облачный днем⁴⁵.

Барни появился из этого пара, на ходу втискивая свои мощные плечи в куртку, наклонив вперед коротко стриженную голову и широкими шагами меряя разбитый тротуар, направляясь на восток, в сторону начинающегося утра.

Он на двадцать пять минут задержался на работе – перед этим полиция привезла пьяного «кота» с огнестрельным ранением; «кот» любил драться с женщинами, поэтому старшая сестра попросила Барни остаться и помочь. К Барни всегда обращались за помощью, когда в отделение поступал буйный пациент.

⁴⁵ Моисеев столп огненный – образ из Ветхого Завета: «Господь же шел перед ними днем в столпе облачном, показывая им путь, а ночью в столпе огненном, света им, дабы идти им и днем и ночью» (Исход, 13; 21).

Клэрис Старлинг следила за Барни из-под глубоко надвинутого капюшона куртки. Она дала ему возможность отойти на полквартала по противоположной стороне улицы, прежде чем забросить на плечо свою хозяйственную сумку и последовать за ним. Когда он миновал и стоянку автомобилей, и автобусную остановку, она испытала некоторое облегчение. За Барни легче было следить, если идти пешком. Она не знала, где он живет, а ей нужно было это узнать до того, как он ее заметит.

Район позади больницы был тихий, здесь жили в основном «синие воротнички» смешанного расового состава. Район, где машину надо запирать на множество замков, но необязательно забирать домой на ночь аккумулятор, где дети вполне могут играть на улице.

Через три квартала Барни переждал, пока проедет автобус, и свернул на север, на улицу, застроенную узкими домами с мраморными ступеньками и аккуратными садиками перед фасадом. Несколько пустых витрин стояли совершенно целыми, стекла намазаны мылом. Магазины уже начинали открываться, а на улице появлялись люди. Грузовики, припаркованные на ночь по обеим сторонам улицы, на полминуты закрыли Старлинг обзор, и она чуть не наткнулась на Барни, не сразу поняв, что он остановился. Она оказалась прямо напротив него, на противоположной стороне улицы, когда его заметила. Может быть, он ее тоже заметил.

Он стоял, засунув руки в карманы, наклонив голову впе-

ред, и смотрел из-под нахмуренных бровей на что-то шевелящееся посреди улицы. Там лежала мертвая голубка, ее крыло шевелил ветерок от проезжавших мимо машин. А голубь-самец ходил кругами возле тела мертвой подруги, кося на нее глазом, и его головка подергивалась в такт шагам его розовых лапок. Круг за кругом, что-то тихо приборматывая по-голубиному. Мимо проехали несколько машин и автобус, но голубь лишь в последний момент ускользал от наезда, перепархивая в сторону.

Может быть, Барни поглядел на нее, Старлинг не была в этом уверена. Ей нужно было идти дальше, иначе он ее заметит. Когда же она оглянулась через плечо, Барни уже присел посреди дороги, подняв руку, чтобы остановить уличное движение.

Она завернула за угол, чтобы он ее не видел, стянула с себя куртку с капюшоном, достала из хозяйственной сумки свитер, бейсбольную кепочку и спортивную сумку и быстро переделась, засунув куртку и хозяйственную сумку в пластиковую спортивную сумку и заправив волосы под кепку. И, влившись в поток возвращающихся с работы уборщиц, вышла обратно на улицу, где оставила Барни.

Он держал в ладонях мертвую голубку. Ее дружок взлетел на провода над их головами и продолжал наблюдать оттуда. Барни положил мертвую голубку в траву на газоне и пригладил ее перья. Поднял свое широкое лицо к птице на проводах и что-то сказал. Когда он встал и пошел дальше,

голубь-самец слетел вниз на газон и вновь стал ходить кругами вокруг мертвого тела, пробираясь сквозь траву. Барни не оглядывался. Когда он взобрался на ступеньки крыльца жилого дома, ярдах в ста дальше по улице, и полез за ключами, Старлинг пробежала полквартала, чтобы перехватить его прежде, чем он откроет дверь.

– Барни! Привет!

Он неторопливо повернулся и посмотрел на нее сверху вниз. Старлинг уже забыла, что у него такие необычно широко расставленные глаза. По этим глазам она поняла, что он узнал ее, и ощутила нечто вроде щелчка, какой обычно слышится при включении какого-нибудь электронного устройства.

Она сняла бейсболку, освобождая волосы.

– Я Клэрис Старлинг. Помните меня? Я...

– Из ФБР, – без выражения произнес Барни.

Старлинг сложила ладони и кивнула:

– Ну да, я из ФБР. Барни, мне с вами нужно поговорить.

Ничего официального, я просто хочу вас кое о чем спросить.

Барни спустился с крыльца. Когда он оказался на тротуаре перед Старлинг, ей все равно пришлось смотреть на него снизу вверх. Ее не пугали его огромные размеры, как они могли бы испугать мужчину.

– Вы готовы официально подтвердить, офицер Старлинг, что вы не зачитали мне мои права? – Голос у него был высоким и грубым, как голос Тарзана в исполнении Джонни Вай-

смяуллера⁴⁶.

– Подтверждаю. Я не зачитывала вам ваши права. И признаю это.

– А слабо сказать все это в вашу сумку?

Старлинг открыла сумку и, обращаясь внутрь, произнесла громким голосом, словно там сидел тролль:

– Я не зачитывала Барни его права, он не ознакомлен со своими правами.

– Тут есть одно вполне приличное кафе, дальше по улице, – сказал Барни. – А сколько у вас шапок в сумке? – спросил он, когда они тронулись.

– Три, – ответила она.

Мимо них проехал микроавтобус с инвалидными знаками, и Старлинг почувствовала, что его пассажиры смотрят на нее. Ну, инвалиды часто страдают сексуальной озабоченностью, на что, впрочем, имеют полное право. Молодые ребята, сидевшие в машине, встретившейся им на следующем перекрестке, тоже посмотрели на нее, но вслух ничего не сказали – явно из-за присутствия Барни. Любой предмет, высунувшийся из окна, тут же привлек бы к себе внимание Старлинг – она все время помнила о возможной мести «крипсов», – однако с такими вот похотливыми взглядами приходилось мириться.

Когда они с Барни вошли в кафе, микроавтобус сдал за-

⁴⁶ Джонни Вайсмюллер – американский спортсмен, первый исполнитель роли Тарзана в кино.

дом в переулочек, развернулся и уехал в ту сторону, откуда приехал.

Им пришлось ждать, пока в переполненном заведении освободится отдельный кабинетик. Официант орал что-то на хинди повару, который с виноватым выражением на лице жарил мясо, переворачивая его длинными щипцами.

– Давайте что-нибудь съедим, – сказала она, когда они сели. – Дядя Сэм платит. Как у вас дела, Барни?

– С работой все в порядке.

– Кем работаете?

– Санитаром. У меня диплом практикующего санитаря.

– А я думала, что вы уже медбратом стали. Или даже фельдшерскую школу закончили.

Барни пожал плечами и потянулся за молочником. Потом поднял глаза на Старлинг:

– Они вас теперь выгонят – из-за смерти Эвельды?

– Поживем – увидим. Вы ее знали?

– Я ее однажды видел, когда к нам привезли ее мужа, Джона. Он уже был мертв, истек кровью еще до того, как его положили в машину «Скорой помощи». У него все выливалось наружу, когда его привезли, переливание крови ничего уже не давало. А она не хотела смириться, не хотела, чтоб он умирал, даже драться с сестрами пыталась. Ну и мне пришлось... вы ж понимаете... Очень красивая женщина. И сильная. Ее не стали арестовывать после...

– Ага, ее освободили прямо на месте.

– Так я и думал.

– Барни, после того как вы передали доктора Лектера ребятам из Теннесси...

– Они были с ним невежливы.

– После того...

– И теперь они все мертвы.

– Да. Его охранники сумели продержаться в живых три дня. А вы протянули целых восемь лет, охраняя доктора Лектера.

– Шесть лет. Он уже сидел, когда я поступил туда на работу.

– Как вам это удавалось, Барни? Пусть вас не удивляет мой вопрос – как вы сумели протянуть так долго? Это ведь была не одна только вежливость?

Барни посмотрел на свое отражение в столовой ложке, сперва на выпуклой стороне, потом на вогнутой. Некоторое время он раздумывал.

– У доктора Лектера были прекрасные манеры, не чопорные, а свободные и элегантные. Я тогда учился заочно, и он мне помогал, делился своими знаниями. Это вовсе не значит, что он не убил бы меня в любой момент, если бы ему представилась такая возможность, – одно качество характера вовсе не исключает наличие любого другого качества. Они могут соседствовать рядом друг с другом, и хорошие, и ужасные. У Сократа про это лучше сказано. В отделении особо строгого режима об этом нельзя забывать никогда, ни на се-

кунду. Если все время помнишь об этом, ничего с тобой не случится. Доктор Лектер, может быть, потом и пожалел, что познакомил меня с Сократом. – Для Барни, не искалеченного последствиями обязательного школьного образования, Сократ стал настоящим открытием, как открываешь для себя нового человека при личном знакомстве. – Безопасность – сама по себе, а беседы – сами по себе, совершенно отдельно, – продолжал он. – Личные отношения не касаются сообщений безопасности, а мне ведь приходилось и задерживать его почтовые поступления, и надевать на него путы.

– Вы много разговаривали с доктором Лектером?

– Иногда по нескольку месяцев мы и словом с ним не обмолвились, а иной раз разговаривали всю ночь напролет, когда вопли остальных умолкнут. Я хоть и учился заочно, но мало что знал, а он открыл мне целый новый мир, в самом буквальном смысле – Светоний⁴⁷, Гиббон⁴⁸ и все такое. – Барни взял свою чашку. На тыльной стороне его левой руки виднелась свежая царапина, замазанная оранжевым бетацином.

– Вам никогда не приходило в голову, когда он убежал, что он может заявиться к вам?

Барни отрицательно покачал огромной головой:

⁴⁷ Гай Транквилл Светоний (ок. 70-140) – римский писатель и историк, автор «Жизнеописания двенадцати цезарей».

⁴⁸ Эдуард Гиббон (1737–1794) – английский историк, автор знаменитой «Истории упадка и разрушения Римской империи».

– Он однажды сказал мне, что, когда у него есть такая «возможность», он предпочитает охотиться на свободе. «Настичь и рвать дичь на диком просторе», как он сам это назвал. – Барни рассмеялся. Редкое зрелище. У него были мелкие зубы ребенка, и его веселье выглядело чуть-чуть безумным, как у малыша, когда тот плюется кашей в лицо сюсюкающему дяденьке.

Старлинг подумала: не слишком ли долго он просидел под землей в обществе невменяемых?

– А вы сами, вас никогда... не бросало в дрожь после того, как он сбежал? Вам-то самой не приходило в голову, что он может заявиться к вам? – спросил Барни.

– Нет.

– Почему?

– Он сказал, что не будет за мной охотиться.

Ответ, как ни странно, им обоим показался вполне удовлетворительным.

Принесли яичницу. И Барни, и Старлинг были голодны, поэтому в течение нескольких минут оба сосредоточенно ели.

– Барни, когда доктора Лектера перевели в Мемфис, я просила вас передать мне его рисунки из камеры, и вы мне их принесли. А куда делись остальные его вещи – книги, записи? В больнице не осталось даже его медицинской карты.

– Там была такая неразбериха. – Барни сделал паузу, постукивая по ладони солонкой. – Жуткая неразбериха, во

всей больнице. Меня уволили, многих тогда уволили, а ба-
рахло куда-то рассовали. Трудно сказать...

– Извините, что-что? – переспросила Старлинг. – Я ни-
чего не слышу – здесь такой шум... Я вчера обнаружила,
что аннотированный и подписанный доктором Лектером эк-
земпляр «Кулинарного словаря» Александра Дюма появил-
ся пару лет назад на частном аукционе в Нью-Йорке. И был
продан в частную коллекцию за шестнадцать тысяч долла-
ров. Свидетельство о собственности владельца было подпи-
сано «Кэри Флокс». Вы знаете Кэри Флокса, Барни? Наде-
юсь, что знаете, потому что ваши анкеты для поступления на
работу в больницу, где вы сейчас работаете, заполнены его
почерком, но подписаны «Барни». И он же заполнял вашу
налоговую декларацию. Извините, я не расслышала, что вы
перед этим сказали. Хотите, начнем сначала. Сколько вы по-
лучили за книгу, Барни?

– Около десяти тысяч, – произнес Барни, глядя ей прямо
в глаза.

– В расписке указано десять пятьсот, – кивнула Стар-
линг. – А сколько вам заплатили за то интервью «Тэтлеру»,
когда доктор Лектер бежал?

– Пятнадцать кусков.

– Неплохо! Прилично заработали. И все, что вы им напле-
ли, это просто ваши выдумки?

– Я знал, что доктор Лектер не стал бы возражать. Наобо-
рот, он был бы разочарован, если б я не навешал им лапшу

на уши.

– Он напал на ту медсестру до того, как вы поступили в Балтиморскую спецбольницу?

– Да.

– И у него была сломана рука?

– Насколько я знаю, да.

– Рентгеновский снимок делали?

– Наверняка.

– Мне нужен этот снимок.

– Ну-у-у-у...

– Я выяснила, что все автографы Лектера разделены на две части: одна написана чернилами, до того как попал в тюрьму, а вторая – крайоновыми карандашами и фломастерами, уже в спецбольнице. Написанные крайоном и фломастером стоят дороже, но, думаю, вы это знаете. Барни, я полагаю, что все эти вещи у вас и что вы намереваетесь продавать их по частям любителям автографов в течение многих лет.

Барни пожал плечами и ничего не ответил.

– Думаю, что вы ждете, когда он снова станет горячей темой. Зачем вам это, Барни?

– Хочу успеть увидеть все картины Вермеера⁴⁹, какие есть на свете.

– Мне, видимо, нет смысла спрашивать, кто именно познакомил вас с Вермеером?

⁴⁹ Ян Вермеер (Вермер Делфтский) (1632–1675) – голландский художник.

– Мы по ночам говорили о многих вещах.

– А вы говорили о том, чем он хотел бы заниматься, если бы оказался на свободе?

– Нет. Доктор Лектер не интересовался гипотетическими вопросами. Он не верит ни в силлогизмы, ни в синтез, ни в абсолютные истины.

– А во что он верит?

– В Хаос. Да в него вовсе и не надо верить. Он самоочевиден.

Старлинг на секунду захотелось быть снисходительной к Барни.

– Вы говорите так, словно сами в него верите, – сказала она. – В то же время ваша работа в Балтиморской спецбольнице заключалась как раз в поддержании порядка. Вы были старшим санитаром, ответственным за порядок. И вы, и я, мы оба занимаемся поддержанием порядка. От вас доктор Лектер не сумел убежать.

– Я вам это уже объяснял.

– Потому что вы всегда были начеку. Хотя и в определенном смысле относились друг к другу по-братски.

– Ничего подобного, – возразил Барни. – Он ни к кому не относится как к брату. Мы просто обсуждали вопросы, которыми оба интересовались. По крайней мере, это были вещи, страшно интересные для меня, я тогда впервые о них узнал.

– Доктор Лектер никогда не издевался над вами за то, что

вы чего-то не знаете?

– Нет. А над вами?

– Тоже нет. – Она ответила утвердительно, чтобы не задеть чувства Барни, поскольку впервые вдруг осознала, что в насмешках этого чудовища на самом деле скрывались комплименты в ее адрес. – Он мог бы вдоволь поиздеваться надо мной, если б захотел. Так вам известно, где его вещи, Барни?

– А мне будет вознаграждение за то, что я их нашел? Старлинг сложила салфетку и засунула ее под тарелку.

– Вознаграждением будет уже то, что я не стану предъявлять вам обвинение в препятствовании правосудию. Помните, я ведь тогда закрыла глаза, когда вы поставили мне подслушку, в спецбольнице.

– Это был «жучок» покойного доктора Чилтона.

– Покойного? Откуда вам известно, что он покойный?

– Ну, он ведь уже семь лет как оставил нас в покое, – ответил Барни. – Не думаю, что мы его еще увидим. Позвольте узнать, какие именно вещи вас устроят, специальный агент Старлинг?

– Я хочу посмотреть его рентгеновский снимок. Мне нужен его рентгеновский снимок. Если остались книги доктора Лектера, я хочу их видеть.

– Предположим, мы нашли эти вещи. Что с ними будет потом?

– Ну, сказать по правде, я не знаю. Федеральный прокурор может конфисковать все материалы как вещественные

доказательства в расследовании его побега. Тогда они будут плесневеть у него на складе громоздких вещдоков. Если я просмотрю все и не обнаружу ничего полезного в книгах и заявлю об этом официально, вы можете потом сказать, что доктор Лектер вам их подарил. Он *in absentia*⁵⁰ уже семь лет пребывает, так что вы можете воспользоваться своим гражданским правом. Насколько известно, у него нет родственников. Я бы даже могла рекомендовать, чтобы все материалы, не имеющие для следствия никакого значения, были переданы вам. Вам следует, однако, знать, что мои рекомендации на тотемном столбе нашей иерархии висят не слишком высоко... Рентгенограмму вы, по всей вероятности, обратно не получите, и медицинскую карту тоже, поскольку они принадлежали не ему и он не имел права их дарить.

– А если я скажу, что у меня этих вещей нет?

– Тогда все материалы, связанные с Лектером, будет практически невозможно продать, поскольку мы опубликуем по ним специальный бюллетень и сообщим всем торговцам, что будем конфисковывать все подобные материалы и преследовать за их приобретение и хранение. Кроме того, я добьюсь ордера на обыск и изъятие материалов из вашего жилища.

– Ну да, вы ведь теперь знаете, где мое жилище. Или надо говорить «жилье»?

– Понятия не имею. Могу только сказать, что, если вы сдадите эти материалы, у вас не будет никаких неприятностей

⁵⁰ В отсутствии (*лат.*).

из-за того, что вы их забрали себе, принимая во внимание то, что с ними могло бы произойти, если бы вы их оставили там, где они были. Что же касается того, получите ли вы их назад, то тут я ничего обещать не могу. – Старлинг порылась в сумочке, чтобы сделать паузу. – Знаете, Барни, мне кажется, вы не стали заниматься получением более высокого медицинского образования, видимо, потому, что не смогли бы получить соответствующее удостоверение. Может быть, за вами где-нибудь числится «задок»⁵¹. Так, да? Сами ведь знаете, я никогда не проверяла вас на криминальное прошлое, на наличие арестов и судимостей.

– Нет, вы только проверили мою налоговую декларацию и анкету на работе. Я тронут.

– Если за вами есть «задок», то окружной прокурор этого района может на вас накапать и вас сотрут в порошок.

Барни вытер тарелку кусочком тоста.

– Вы вроде как закончили? Давайте немного пройдемся.

– Я тут видела Сэмми, помните, который потом занимал камеру Миггза? Он по-прежнему живет в ней, – сообщила ему Старлинг, когда они вышли на улицу.

– Вот уж проклятое место!

– Это точно.

– Сэмми попал в какую-нибудь программу помощи?

– Нет, просто живет там, во тьме.

– Думаю, вам надо сообщить о нем куда следует. У него

⁵¹ «Задок» (*уголовн. жаргон*) – аресты и судимости в прошлом.

ведь жуткий диабет, он в любой момент помереть может. А вы знаете, за что доктор Лектер заставил Миггза проглотить собственный язык?

– Кажется, знаю.

– Он убил его за то, что он вас оскорбил. Вот такая вот замечательная штука. Только не надо переживать – он, наверное, все равно бы его прикончил.

Они прошли мимо дома Барни и вышли к газону, где голубь все еще ходил кругами вокруг мертвого тела своей подруги. Барни испугнул его, замахав руками.

– Лети себе, – сказал он птице. – Хватит горевать. А то дождешься – кошка тебя слопает.

Голубь, хлопая крыльями, улетел. Они не заметили, куда он сел.

Барни поднял мертвую птицу. Ее гладкое тельце легко скользнуло в его карман.

– Знаете, доктор Лектер однажды говорил со мной о вас. Так, немного. Может, это было в последний раз, когда мы с ним разговаривали. Или в один из последних разов. Это мне птица напомнила о том разговоре. Хотите знать, что он мне сказал?

– Конечно, – ответила Старлинг. Съеденная пища слегка шевельнулась в желудке, но Старлинг не намерена была отступать.

– Мы говорили об унаследованных стереотипах поведения. И он привел в пример генетические особенности раз-

множения голубей. Есть такие голуби – они называются турманы. Они взлетают высоко в небо и начинают кувыркать-ся, словно падая на спину и переворачиваясь, и так до самой земли. Среди них есть «высокие» и «низкие». Так вот, нельзя скрещивать двух «высоких» турманов, потому что птенец из такого потомства будет кувыркаться до самой земли, пока не упадет и не разобьется. И вот что он сказал: «Офицер Старлинг – это «высокий» турман, Барни. Будем надеяться, что хоть один из ее родителей не был «высоким».

Старлинг пришлось проглотить вставший в горле комок.

– А что вы сделаете с этой птицей? – спросила она.

– Ощиплю и съем, – ответил Барни. – Пошли ко мне, я отдам вам рентгеновский снимок и книги.

Возвращаясь с длинным свертком к больнице, где она оставила свою машину, Старлинг услышала одинокий печальный крик птицы, пережившей свою подружку.

Благодаря сочувствию одного сумасшедшего и навязчивой идее другого у Старлинг теперь было то, что она всегда хотела заполучить, – кабинет в одном из коридоров многоэтажного подземелья Отдела психологии поведения.

Старлинг вовсе и не рассчитывала сразу попасть в элитный Отдел психологии поведения, когда окончила Академию ФБР, но верила, что сможет заслужить себе место в его штате. Она прекрасно знала, что сперва ей придется провести несколько лет на обычной оперативной работе.

Старлинг хорошо выполняла оперативные задания, но плохо разбиралась в политических интригах внутри своей конторы, и ей понадобилось несколько лет, чтобы понять, что она никогда не попадет в Отдел психологии поведения, несмотря на то что этого хочет сам начальник отдела, Джек Крофорд.

Самая главная причина этого была ей неизвестна до тех пор, пока она, подобно тому как астроном натывается на «черную дыру», не наткнулась на Пола Крендлера, помощника Генерального инспектора, и не поняла, какое влияние он имеет на тех, кто его окружает. Он так и не простил ей, что она раньше его вышла на серийного убийцу Джейма Гама, да и внимания прессы, которое ей принесло это дело, он простить ей не мог.

Однажды дождливым зимним вечером Крендлер позвонил ей домой. Она подошла к телефону в купальном халате и пушистых тапках, мокрые волосы были завернуты в полотенце. Она всегда будет помнить, какое это было число, потому что как раз окончилась первая неделя операции «Буря в пустыне»⁵².

Старлинг тогда исполняла функции технического агента и только что вернулась из Нью-Йорка, где меняла радиоприемник в лимузине, принадлежавшем миссии Ирака при ООН. Новый приемник был в точности такой же, как и прежний, исключая тот факт, что он транслировал все разговоры, которые велись в лимузине, прямо на висевший над головой спутник Департамента обороны. Выполнение этого задания вымотало ее, и она еще не успела толком прийти в себя.

На какое-то мгновение у нее мелькнула идиотская мысль, что Крендлер звонит, чтобы сказать, как отлично она справилась с заданием.

Она хорошо помнила, как в окно колотил дождь и голос Крендлера в телефонной трубке – он слегка запинаясь, а по характерному шуму было понятно, что говорит он из бара.

Он спросил, не хочет ли она встретиться. Он сказал, что мог бы через полчаса подъехать за ней. Он был женат.

– Думаю, что нет, мистер Крендлер, – ответила она и нажала на кнопку записи автоответчика, после чего тот издал

⁵² «Буря в пустыне» – кодовое название военной операции США и их союзников по НАТО против Ирака (1991), она же «Война в заливе» (Персидском).

полагающийся «бип» и телефон отключился.

Теперь, годы спустя, оказавшись наконец в кабинете, куда всегда хотела попасть, Старлинг карандашом написала свою фамилию на обрывке бумаги и приклеила ее скотчем к двери. Но потом сорвала бумажку и выбросила в корзину – все это теперь вовсе не казалось забавным.

В подносе для входящих бумаг лежал один конверт. В нем оказался вопросник из редакции «Книги рекордов Гиннеса», которая намеревалась включить ее в свое издание как застрелившую больше преступников, чем какая-либо другая женщина – сотрудник органов правопорядка за всю историю Соединенных Штатов. Термин «преступники», как пояснял редактор, используется условно, поскольку покойные имели множество судимостей за преступления, а на троих были выданы ордера на арест. Вопросник полетел в корзину вслед за бумажкой с ее фамилией.

Она уже второй час колотила по клавиатуре компьютера, сдувая с лица пряди волос, когда в дверь постучали и к ней заглянул Крофорд.

– Звонил Брайан из лаборатории, Старлинг. Рентгеновский снимок, что получил Мэйсон, и тот, что вы добыли у Барни, совпадают. Это рука Лектера. Они сейчас переводят оба изображения в цифровой формат, чтобы еще раз сравнить их, но он говорит, что никаких сомнений. Потом введем эту информацию в защищенный файл Лектера в нашей базе данных.

– А как насчет Мэйсона Верже?

– Мы сообщим ему правду, – сказал Крофорд. – Мы-то с вами знаем, Старлинг, что сам он информацией делиться не будет, если только не получит такие данные, с которыми ему самому не справиться. Но если мы попытаемся прямо сейчас перехватить ниточку, что ведет в Бразилию, она просто исчезнет.

– Вы мне велели не заниматься этим, я и не занимаюсь.

– Но чем-то вы тут все же занимались?

– Рентгеновский снимок доставила Мэйсону служба «Ди-эйч-эл»⁵³. По штрихкоду и наклейке они установили пункт отправки пакета. Это был отель «Ибарра» в Рио-де-Жанейро. – Старлинг подняла руку, не давая ему возможности прервать ее. – Это все я сделала, пользуясь только нью-йоркскими источниками информации. Никаких запросов в Бразилию я не посылала.

И еще одно – Мэйсон ведет все свои телефонные переговоры – а их немало – через букмекерское бюро в Лас-Вегасе, где регистрируют ставки спортивного тотализатора. Можете себе представить, сколько у них входящих звонков.

– Мне не следует спрашивать, как вы об этом узнали?

– Исключительно законными путями, – сообщила Старлинг. – Ну, по большей части законными – следов у него дома не осталось. У меня ведь есть коды, которые надо искать в его телефонных счетах, вот и все. У всех технических аген-

⁵³ «Ди-эйч-эл» (DHL) – курьерская служба экспресс-доставки.

тов есть эти коды. Предположим, мы заявим, что он препятствует ведению расследования. Сколько времени нам понадобится, чтобы выпросить ордер на подслушивание и отслеживание его переговоров – при его-то влиянии? И что вы ему можете сделать, даже если в чем-то его уличите? А он пользуется услугами букмекерского бюро.

– Понятно, – сказал Крофорд. – Комиссия по игорному бизнесу штата Невада может либо поставить его телефон на прослушку, либо просмотреть все регистрационные книги этого бюро, чтобы найти то, что нам нужно, то есть куда именно он звонит.

Она кивнула:

– Самого Мэйсона я оставила в покое, как вы велели.

– Да, я вижу, – ответил Крофорд. – Можете передать Мэйсону, что мы ожидаем содействия со стороны Интерпола и посольства. Скажите ему, что нам надо послать в Бразилию наших людей и начать подготовку запроса об экстрадиции Лектера. Он, видимо, и в Южной Америке совершал преступления, так что нам лучше добиться его выдачи до того, как полиция Рио начнет изучать свои нераскрытые дела, проходящие по категории «каннибализм». Конечно, если он вообще в Южной Америке. Старлинг, вас не тошнит, когда вы беседуете с Мэйсоном?

– Приходится держать себя в руках. Вы меня этому научили, когда мы осматривали тот «топляк» в Западной Виргинии. Господи, что я говорю! Топляк! Это же был человек, ее

звали Кимберли Эмберг! Да, конечно, меня тошнит от Мэйсона. В последнее время меня что-то от многого стало тошнить, Джек.

Старлинг была настолько поражена собственными словами, что замолкла. Никогда раньше она не обращалась к начальнику отдела Джеку Кроффорду просто по имени, она во все и не собиралась называть его «Джек», и это потрясло ее. Некоторое время она изучала его лицо, лицо, по которому, как всегда, трудно было что-либо прочесть.

Он кивнул и улыбнулся, криво и грустно.

– Меня тоже, Старлинг. Хотите пару таблеток пентабисмола⁵⁴ – пожевать перед беседой с Мэйсоном?

Мэйсон Верже не соизволил сам поговорить со Старлинг по телефону. Его секретарь поблагодарил ее за информацию и сказал, что перезвонит позже. Мэйсон ей так и не позволил. Для Мэйсона, который в списке приоритетных адресов для сообщения о соответствии двух рентгенограмм стоял намного выше Старлинг, эта информация новостью уже не была.

⁵⁴ Пентабисмол – препарат, применяемый при лечении сифилиса.

Мэйсон уже знал – гораздо раньше, чем об этом сообщили Старлинг, – что на рентгеновском снимке действительно рука доктора Лектера, потому что у Мэйсона в Департаменте юстиции были источники гораздо оперативнее, чем у нее.

Мэйсон получил по электронной почте сообщение, подписанное псевдонимом «Токен 287». Это второй сетевой псевдоним помощника члена палаты представителей США Партона Велмора по Юридическому комитету палаты. Офис Велмора, в свою очередь, получил сообщение, подписанное «Кассий 199», – это был второй сетевой псевдоним самого Пола Крендлера из Департамента юстиции.

Мэйсон пребывал в сильном возбуждении. Он не считал, что доктор Лектер находится в Бразилии, а рентгеновский снимок свидетельствовал, что у доктора теперь на левой руке обычное количество пальцев. Эта информация накладывалась на новую ниточку из Европы, которая могла помочь выяснить нынешнее местопребывание доктора. Мэйсон был уверен, что последнее сообщение пришло из органов правопорядка Италии, и это был самый значительный след Лектера, на который он сумел напасть за последние годы.

Мэйсон и не собирался делиться этой информацией с ФБР. В результате семи лет неустанных трудов, получения доступа к закрытым федеральным файлам в Сети, широ-

комасштабной рекламы и значительных расходов он теперь опережал ФБР в поисках Лектера. И делился с Бюро информацией только тогда, когда ему было необходимо использовать их технические возможности.

Чтобы поддерживать видимость своей заинтересованности, он велел своему секретарю в любом случае продолжать теребить Старлинг на предмет сообщений о новых данных. Специальное напоминание, записанное в компьютерной программе, заставляло секретаря звонить ей по крайней мере по три раза в день.

Мэйсон немедленно перевел пять тысяч долларов своему информатору в Бразилии, чтобы получить дополнительные сведения касательно происхождения рентгеновского снимка. Размеры специального резервного фонда, который он перевел в Швейцарию, были гораздо больше, и он был готов перевести еще, когда получит в свое распоряжение окончательно подтвержденные данные.

Он полагал, что его источник в Европе обнаружил доктора Лектера, но Мэйсона уже столько раз обманывали, поставляя ложную информацию, что он научился осторожности. Доказательства скоро поступят. А пока, чтобы снять напряжение, вызванное ожиданием, Мэйсон сосредоточился на обдумывании того, что он будет делать, когда доктор попадет наконец к нему в руки. Подготовка к этому также потребовала значительного времени, поскольку Мэйсон в свое время и сам учился науке страданий...

Нам иногда бывает трудно понять и принять выбор Господа, предназначающего для нас те или иные страдания; ведь пути Его неисповедимы, разве что наша невинность и незнание Его оскорбляют. Очевидно, в таких случаях Ему требуется от нас некоторая помощь, дабы направить в нужное русло слепую ярость, которую Он обрушивает на смертных.

Мэйсон уже научился понимать свою роль в этом процессе – на двенадцатом году страданий, когда его парализованное тело уже почти невозможно было нащупать под простыней, когда он понял, что никогда больше не встанет на ноги. Новое крыло в поместье Маскрэт-Фарм было завершено, и у него были средства – правда, не такие уж неограниченные, поскольку делами семейства тогда все еще управлял его патриарх, Молсон Верже.

Это произошло на Рождество в тот год, когда доктор Лектер бежал из заключения. Мэйсон ужасно жалел – с поправкой на настроения, какие обычно посещают нас перед Рождеством, – что не предпринял мер, чтобы доктор Лектер был умерщвлен в спецбольнице; теперь же Мэйсону оставалось лишь терзаться мыслью, что доктор Лектер по-прежнему топчет землю, ходит где-то, свободно передвигается и, весьма вероятно, наслаждается жизнью.

Сам же Мэйсон лежал под аппаратом искусственного дыхания, тело его вместе с аппаратом было покрыто мягким одеялом, рядом стояла медсестра, переступая с ноги на ногу и не смея присесть, хотя ей очень этого хотелось. Автобус

привез группу детишек из бедных семей, чтоб спеть Мэйсону рождественские колядки. С разрешения врача окна в комнате Мэйсона на некоторое время открыли, чтобы он подышал свежим морозным воздухом, а под окнами, прикрывая ладонями горящие свечи, стояли и пели дети.

Свет был погашен, и в темном воздухе над Маскрэт-Фарм низко висели звезды.

...«О, милый город Вифлеем, как тихо ты лежишь!» — пели дети.

Действительно, как тихо ты лежишь!

Как тихо ты лежишь!

В этой строке была явная насмешка над ним самим! Как тихо ты лежишь, Мэйсон!

Рождественские звезды за окном хранили молчание, и молчание это подавляло его. Звезды ничего не сказали ему, когда он поднял на них свой умоляющий глаз, закрытый линзой, сделал им знак пальцами, которыми еще мог управлять. Мэйсону показалось, что он уже не в силах дышать. Если он задохнется в этом бесконечном пространстве, подумал он, то последнее, что увидит, будут эти прекрасные молчаливые звезды, лишённые воздуха. А он уже задыхается, респиратор не успевает подавать воздух, ему приходится ждать каждого вдоха, чтобы следовать животворной диаграмме, которую пишут рождественские ели на дальних склонах, поднимаясь пиками, маленькие ели в черной ночи леса на дальних склонах. Как пики в его кардиограмме, систолический пик, диа-

столичный пик...

Сестра так перепугалась, что чуть было не нажала на кнопку сигнала тревоги, чуть не схватила шприц с адреналином.

Да, это явная насмешка: как тихо ты лежишь, Мэйсон!

Это было Божественное Откровение, тогда, на Рождество. Прежде чем сестра нажала на кнопку или успела взять шприц с лекарством, острые уколы шипов мстительности уже оживили его иссохшую, ищущую, похожую на бледного краба руку и начали успокаивать его.

По всему свету на Рождество набожные люди верят, что через чудо пресуществления⁵⁵ действительно вкушают от тела и крови Христовой. Мэйсон начал ныне подготовку к еще более впечатляющей церемонии, которая не нуждалась ни в каком пресуществлении. Он начал подготовку к тому, чтобы доктор Лектер был съеден живьем.

⁵⁵ Пресуществление – по христианскому вероучению, таинство превращения хлеба и вина в тело и кровь Христову.

Мэйсон получил довольно странное образование, однако прекрасно соответствующее тому будущему, которое определил для него отец, и той задаче, что стояла перед ним сейчас.

Ребенком он учился в закрытом пансионе, в фонд которого его отец вносил изрядные средства; там на частые пропуски Мэйсоном занятий смотрели сквозь пальцы. А старший Верже недели напролет сам занимался настоящим образованием сына, таская его с собой по скотным дворам и бойням, которые были основой его огромного состояния.

Молсон Верже был пионером во многих областях животноводства, особенно в части экономии. Эксперименты с дешевым фуражом, которые он проводил на раннем этапе своей карьеры, могли сравниться только с опытами известного скотопромышленника Бэттерэма за пятьдесят лет до этого. Молсон Верже совершенно изменил систему кормежки свиней, введя в их рацион такие субстанции, как дробленая кабанья щетина, тертые куриные перья и даже навоз, причем в таких количествах, какие в его время считались чрезмерно смелыми. В 40-х годах на него смотрели как на безрассудного мечтателя, особенно когда он первым перестал давать свиньям для питья свежую воду и заставил их пить сточные воды, состоящие из перебродивших отходов скотного двора,

чтобы ускорить набор веса. Смех прекратился, когда к нему рекой потекли доходы, и конкуренты тут же бросились копировать его методы.

Однако лидирующее положение Молсона Верже в мясной промышленности не ограничивалось только этим. Используя значительные собственные средства, он смело выступил против закона о гуманных методах забоя скота, причем исключительно с позиций экономии, и сумел добиться того, что выжигание клейма на мордах животных было признано вполне законным, хотя это очень дорого обошлось ему в смысле судебных издержек. При содействии и участии Мэйсона Верже-старший проводил широкомасштабные эксперименты в области загонного содержания скота, опытным путем определяя, сколько времени животных можно держать без корма и воды перед тем, как отправить на бойню, чтобы они при этом не слишком теряли в весе.

Именно финансируемые Верже генетические исследования в конечном итоге позволили добиться удвоения мышечной массы бельгийских пород свиней без сопутствующих этому потерь нутряного сала, чего никак не могли добиться сами бельгийцы. Молсон Верже закупал производителей по всему свету и был спонсором целого ряда программ выведения новых пород в зарубежных странах.

Однако бойни – это в первую очередь люди, которые на них работают, и Молсон Верже понимал это, как никто другой. Он сумел запугать профсоюзы, когда те пытались сокра-

тить его доходы, требуя повышения зарплат и безопасных условий труда. Его старые и устойчивые связи с организованной преступностью прекрасно помогали ему в этой сфере на протяжении тридцати лет.

Мэйсон был тогда очень похож на отца – блестящие черные брови над бледно-голубыми глазами мясника, низкий лоб, косо перечеркнутый линией волос, зачесанных справа налево. Молсон Верже частенько ласково брал голову сына в ладони, просто чтобы ощутить ее в руках, словно тем самым подтверждая свое отцовство методами физиогномики – точно так же он обычно ощупывал рыло свиньи и по строению ее черепа тут же определял ее генетическое происхождение.

Мэйсон хорошо усваивал эту науку и даже после того, как увечья приковали его к постели, был в состоянии принимать эффективные решения, которые затем исполнялись его соратниками по бизнесу. Это была идея Мэйсона – убедить правительство Соединенных Штатов и Организацию Объединенных Наций забить всех местных свиней на Гаити под предлогом того, что они представляют опасность как распространители африканского свиного гриппа. После чего он сумел продать правительству больших белых американских свиней, чтоб заменить истребленное местное поголовье. Огромные холеные американские свиньи, оказавшись в условиях Гаити, тут же все передохли, и их нужно было снова и снова заменять, поставляя все новых со свиноферм Мэйсона, пока власти Гаити не догадались завезти из Домини-

никанской Республики другую, более мелкую и более стойкую породу.

Ныне, имея опыт и знания, накопленные в течение целой жизни, Мэйсон ощущал себя как Страдивари, когда тот подходил к своему рабочему столу, – так тщательно он создавал орудия своей мести.

Какой огромный объем информации и набор средств держал Мэйсон в своем лишенном лица черепе! Лежа на больничной кровати, сочиняя в уме, как оглохший Бетховен, он вспоминал свиные ярмарки, которые посещал вместе с отцом, проверяя результаты определения победителей. У Молсона всегда был наготове маленький серебряный ножичек, который он в любой момент мог выхватить из жилетного кармана и всадить в спину свинье, чтобы проверить толщину сала, а потом гордо удалиться прочь от яростного визга, слишком высокомерный, чтобы кто-нибудь осмелился приставать к нему с попреками, – рука в кармане, а ноготь большого пальца отмечает на лезвии результат проверки.

Если б у Мэйсона были губы, он бы и сейчас улыбнулся, вспоминая, как папочка вот так всадил свой ножик в спину свинье-рекордсменке Клуба 4Х⁵⁶, которая всех считала сво-

⁵⁶ Клуб 4Х (4 H Club) – американская молодежная организация под эгидой Департамента сельского хозяйства, нечто вроде юных натуралистов. 4 H означают Head, Heart, Hands, Health (*англ.*) – голова, сердце, руки, здоровье. На этих свиных ярмарках Мэйсон навиделся разных экзотических пород свиней со всех концов света. И теперь для своей цели он приобрел самых лучших из всех тех, что тогда видел.

ими друзьями. Ребенок, который числился ее владельцем, разорался, а его папаша пришел в жуткую ярость, но головорезы Молсона тут же уволокли его подальше. Да, хорошие были времена, веселые!

Свою программу выведения новой, нужной ему породы он начал осуществлять сразу же после Божественного Откровения, что явилось ему на Рождество. Она осуществлялась на маленькой свиноводческой ферме, которой Верже владели на Сардинии, недалеко от побережья Италии. Он выбрал это место за его удаленность от жилья и близость к Европе.

Мэйсон полагал – и совершенно справедливо, – что первым делом после побега доктор Лектер отправится в Южную Америку. Но при этом он всегда был убежден, что только Европа является тем местом, где может обосноваться человек со вкусами доктора Лектера. Поэтому он ежегодно направлял филеров на Зальцбургский музыкальный фестиваль и другие аналогичные культурные мероприятия.

Вот список того, что Мэйсон направил своим свиноводам на Сардинию, дабы подготовить театральную площадку для сцены смерти доктора Лектера.

Исполинская лесная свинья, *Nylochoerus meinertzhageni*, шесть сосков и тридцать восемь хромосом, она умеет всегда и везде найти себе пищу и абсолютно всеядна, прямо как человек. Шесть футов в длину у представителей семейств, обитающих в горах, а вес до пятисот фунтов. Гигантская лесная

свинья, основа программы Мэйсона.

Далее, классическая европейская дикая свинья, *S. Scrofa scrofa*, тридцать шесть хромосом в ее самом чистом виде, никаких бородавок на рыле, сплошная щетина и огромные, острые как бритва клыки: мощное, стремительное и яростное животное, способное убить ядовитую змею своим острым копытом и сожрать ее, будто это кусочек тоста. Если такое чудовище раздражить, застать кабана в период гона или матку, когда она выкармливает поросят, оно нападает на любого, кто может представлять угрозу. У свиноматок по двенадцать сосков, и они прекрасные матери. В *S. Scrofa scrofa* Мэйсон нашел основную тему своей программы и внешние черты, очень подходящие для того, чтобы встать последним адским видением пред глазами доктора Лектера, когда эти чудовища будут его пожирать. (См. сборник «Харрис о свинье», 1881 г.)

Он закупил также свинью с острова Оссабо⁵⁷ за ее агрессивность, и цзясинскую черную свинью из-за высокого уровня женского полового гормона эстрадиол в крови.

Одна фальшивая нота в этой симфонии – когда он ввел в программу бабирусу. *Babyrousa babyrussa*, из Восточной Индонезии, известную также под названием кабан-олень, – за исключительно длинные клыки. Но бабирусса медленно размножалась, у нее ведь только два соска, и при весе около двухсот фунтов она стоила слишком дорого из-за своих раз-

⁵⁷ Оссабо – остров в Атлантике возле побережья штата Джорджия.

меров. Однако время не было потеряно даром, поскольку одновременно на ферме подрастали другие пометы поросят, в появлении которых на свет бабирусса участия не принимала.

Что касается кабаньих зубов, тут Мэйсону не нужно было делать особого выбора. Практически все породы имели зубы, вполне соответствующие поставленной задаче, – три пары острых резцов, одна пара длинных клыков, четыре пары премоляров и три всепокусывающие пары моляров, нижних и верхних, а всего сорок четыре зуба.

Любая свинья съест мертвого человека, но заставить ее съесть живого – тут требуется некоторое обучение. Сардинские свиноводы Мэйсона вполне соответствовали этой задаче.

И вот теперь, после семи лет усилий и множества пометов поросят, результаты были... просто замечательные.

Разместив всех актеров – исключая доктора Лектера – на месте, в горах Женарженту на Сардинии, Мэйсон перенес свое внимание на документальную запись будущей смерти доктора – для потомства и собственного любования. Его приготовления были уже давно завершены, но теперь следовало дать сигнал готовности.

Он руководил этим деликатным делом по телефону, через официально оформленную линию на коммутатор букмекерского бюро, расположенного в Лас-Вегасе. Его звонки были каплей в море огромного количества телефонных переговоров этого бюро, особенно по уикэндам.

Дикторский голос Мэйсона с отсутствующими взрывными и фрикативными сперва неся от Национального парка недалеко от Чесапикского побережья до пустынь Невады, а затем, через Атлантику, до Рима.

Первый звонок раздался в квартире на седьмом этаже одного из домов по виа Архимеде позади гостиницы с тем же названием. Хриплые двойные звонки, как обычно в Италии. Заспанные голоса в темноте.

– Còsa? Còsa c'è?

– Accendi la luce, idiòta⁵⁸.

Загорается лампа в изголовье. В постели лежат трое. Мо-

⁵⁸ – Что? Что такое? Включи свет, идиот (*um.*).

лодой человек, что ближе всех к телефону, поднимает трубку и передает ее тучному мужчине средних лет, лежащему в середине. На другой стороне постели – блондинка лет двадцати. Поднимает к свету заспанное личико и падает обратно.

– Pronto, chi? Chi parla?⁵⁹

– Оресте, друг мой, это Мэйсон.

Тучный мужчина окончательно просыпается и кивает молодому, чтобы тот подал ему стакан с минеральной водой.

– А, Мэйсон, друг мой, извините меня. Я спал. Который у вас там час?

– Час уже везде поздний, Оресте. Вы помните, что я вам обещал и что вы должны для меня сделать?

– Ну конечно.

– Время настало, мой друг. Вы ведь знаете, что мне нужно. А нужна мне съемка двумя камерами и еще мне нужно более высокое качество звука, чем в ваших порнофильмах, а еще вам надо самому проследить за электричеством – я хотел бы, чтобы генератор был размещен подальше от съемочной площадки. Мне нужны также хорошие живописные кадры, чтобы потом подклеить при монтаже, и голоса птиц. Я хочу, чтоб вы завтра же проверили состояние съемочной площадки и все там приготовили. Все оборудование можете оставить прямо там, я пришлю охрану, а вы можете вернуться в Рим и сидеть там до начала съемок. Но вам надо быть готовым, чтоб за два часа собраться и выехать. Понимаете,

⁵⁹ Алло, кто это? Кто говорит? (*um.*)

Оресте? Перевод уже ждет вас в Сити-Бэнк в ЭУР⁶⁰, слышите?

– Мэйсон, я сейчас занят на...

– Вы хотите сделать эту работу, Оресте? Вы же сами мне говорили, что вам надоело снимать порнушки и садистские фильмы да и историческую чепуху для РАИ⁶¹. Вы ведь хотели снять художественный фильм?

– Да, Мэйсон.

– Тогда отправляйтесь сегодня же. Деньги в Сити-Бэнк. Я требую, чтобы вы поехали.

– Куда, Мэйсон?

– На Сардинию. Летите до Кальяри, там вас встретят. – Следующий звонок был в Порто-Торрес, на восточном побережье Сардинии. Разговор был короткий. Собственно, и говорить-то почти ничего не надо было – машина там давно уже была отлажена и работала столь же эффективно, как и портативная гильотина Мэйсона. С точки зрения экологии, эта машина была даже еще более эффективной, правда, действовала она не столь быстро.

⁶⁰ ЭУР – район Рима.

⁶¹ РАИ – Итальянское государственное радио и телевидение.

Часть II

Флоренция

17

Ночь в самом сердце Флоренции, старый город искусно освещен.

Палаццо Веккьо⁶² поднимается над темной площадью, залитый светом, до жути средневековый со своими арочными сводами окон, бойницами и зубчатыми парапетами, напоминающими частую гребенку. Сторожевая башня устремлена в черное небо.

Летучие мыши до самой зари будут носиться за комарами на фоне сверкающего циферблата башенных часов, а потом в воздух поднимутся ласточки, разбуженные звоном колоколов.

⁶² Палаццо Веккьо («Старый дворец»; ранее назывался палаццо деи Приори, палаццо делла Синьория, палаццо дель Пополо, палаццо дель Коммуне; с 1550-го получил свое нынешнее название) – памятник архитектуры; правительственное здание во Флоренции на площади пьяцца делла Синьория, начато строительство в XIII в., завершено в XV в.; сначала местопребывание выборных должностных лиц города, позднее герцогов из рода Медичи. Сторожевая башня дворца достигает в высоту 94 метра.

Главный следователь Квестуры⁶³ Ринальдо Пацци, в черном плаще, выделяясь на фоне белых мраморных статуй, застывших в позах, воплощающих насилие и убийство, вышел из тени Лоджии⁶⁴ и пересек площадь. Его бледное лицо, как подсолнух, поворачивалось в сторону освещенного дворца. Он остановился на том месте, где был сожжен на костре реформатор Савонарола⁶⁵, и поднял взгляд на окна дворца, где когда-то принял смерть его собственный предок.

Вон там, из того высокого окна, был выброшен Франческо де Пацци⁶⁶, голый, с петлей на шее, чтобы умереть в муках, крутясь и корчась в петле, колотясь о грубую каменную стену. Архиепископ Пизанский, повешенный рядом с Пацци во всем великолепии своего облачения, не мог дать ему последнего духовного утешения; глаза у него уже вылезли из орбит и дико вращались, он задыхался и в конце концов впился зубами в плечо Пацци.

Семейство Пацци пострадало целиком в то воскресенье, 26 апреля 1478 года, за убийство Джулиано де Медичи и по-

⁶³ Квестура – городское полицейское управление в Италии.

⁶⁴ Лоджия деи Ланци (Лоджия делла Синьория) – здание дворца для официальных церемоний рядом с палаццо Веккьо, памятник архитектуры XIV в.

⁶⁵ Джироламо Савонарола (1452–1498) – борец против власти Медичи и папства, религиозный фанатик, пытался установить во Флоренции теократическое правление. Отлучен от церкви и казнен.

⁶⁶ Франческо де Пацци – один из организаторов и участников т. н. заговора Пацци – неудачной попытки свергнуть власть Медичи во Флоренции в 1478 г. Заговор провалился, его участники были казнены.

пытку убить Лоренцо, позднее прозванного Великолепным, прямо во время мессы в кафедральном соборе.

И теперь Ринальдо Пацци, истинный Пацци из знаменитого рода Пацци, ненавидевший правительство не менее сильно, чем когда-то его предок, и тоже обесчещенный и несчастный, уже слыша над собой свист падающего топора, пришел сюда, чтобы решить, как лучше всего использовать единственный выпавший ему удачный шанс.

Главный следователь Пацци полагал, что он обнаружил Ганнибала Лектера, проживающего ныне во Флоренции. И имеет шанс восстановить свою репутацию и получить все причитающиеся ему по службе почести, поймав этого негодяя. У Пацци была также и другая возможность – продать Лектера Мэйсону Верже за такую сумму, какую ему трудно было себе представить, – если, конечно, подозреваемый и в самом деле Лектер. При этом, естественно, Пацци должен был продать и свою потрепанную честь.

Пацци не просто так получил пост начальника следственного отдела Квестуры – он был человек одаренный и в начале карьеры был движим волчьим голодом и неутолимым стремлением преуспеть в своей профессии. Он к тому же носил на своем теле шрамы как человек, который в спешке и в пылу осуществления своих честолюбивых устремлений умудрился схватить судьбу не за хвост, а за острие клинка.

Он избрал это место, чтобы бросить свой жребий, потому что однажды пережил здесь момент Божественного Откро-

вения, что сперва сделало его знаменитым, а потом уничтожило.

Пацци, как и все итальянцы, был наделен даром иронии, очень сильным, и прекрасно ощущал символичность происходящего: это было очень подходящее место для столь судьбоносного откровения, место под теми самыми окнами, где яростный дух его предка, весьма вероятно, все еще корчился и бился о стену. И на этом самом месте он мог теперь навеки переменить несчастливую судьбу рода Пацци.

Тогда он тоже охотился за серийным убийцей, прозванным *Il Mostro*, Монстр, и результаты этой охоты сделали Пацци знаменитым, но потом бросили его на растерзание хищникам. Опыт, приобретенный тогда, дал ему возможность сделать нынешнее открытие. Однако конец дела Монстра оставил горький привкус во рту у Пацци и подвинул его ныне на опасную игру, выходящую за рамки закона.

Il Mostro, Флорентийский Монстр, как его называли, охотился по всей Тоскане⁶⁷ на влюбленные парочки, и это продолжалось семнадцать лет, в 80-е и 90-е годы. Монстр подбирался к влюбленным, когда они обнимались в темных уголках, каких в Тоскане полным-полно. Он всегда убивал влюбленных из малокалиберного пистолета, затем укладывал мертвые тела в своего рода «живописную картину», украшая их цветами и всегда обнажая левую грудь женщины. В этих «живописных картинах» было что-то странно знако-

⁶⁷ Тоскана – область Италии, Флоренция – ее центр.

мое, от них всегда оставалось ощущение *déjà vu*⁶⁸.

Монстр обычно также срезал с убитых некоторые части их тел, видимо, в качестве трофеев, за исключением только одного случая, когда он убил парочку длинноволосых немецких гомосексуалистов – видимо, по ошибке.

Общественное мнение всей своей мощью давило на Квестуру, требуя поймать Монстра, что привело к отставке предшественника Ринальдо Пацци с поста главного следователя. Когда Пацци занял его место, он походил на человека, отбивающегося от роя пчел, – журналисты просто кишели в его кабинете всякий раз, когда их пускали в Квестуру, а фотографы все время торчали на виа Зара позади управления, возле выезда, которым он вынужден был пользоваться.

Туристы, посещавшие Флоренцию в то время, навсегда запомнят развешанные повсюду плакаты с изображением единственного настороженного глаза, предупреждающего влюбленных насчет Монстра.

Пацци работал как одержимый.

Он связался с Отделом психологии поведения американского ФБР и попросил их помощи в психологическом профилировании убийцы, да и сам прочитал все, что мог достать, о методах разработки психологических портретов преступников.

Он использовал также и проактивные методы: в некоторых местах свиданий, особо посещаемых влюбленными – в

⁶⁸ Уже виденное (*фр.*).

темных переулках и на кладбищах, – в машинах парами сидело больше полицейских, чем влюбленных. В полиции не хватало женщин, чтобы справиться с этой задачей. В жаркое время года мужчины по очереди носили женские парики. При этом многим пришлось пожертвовать усами. Пацци сам подал пример, сбрив усы.

Монстр был осторожен. Он продолжал наносить свои удары, но болезнь, видимо, не заставляла его делать это слишком часто.

Пацци обратил внимание на то, что в прошлые годы бывали длительные периоды, когда Монстр вообще не давал о себе знать, – однажды такой перерыв составил целых восемь лет. Пацци вцепился в этот факт. С огромным трудом и очень тщательно, мобилизуя содействие чиновников любых учреждений, которых он мог как-то запугать, конфисковав компьютер у собственного племянника, чтобы использовать его в паре с единственным таким же аппаратом, имевшимся в Квестуре, Пацци составил список всех уголовников Северной Италии, чьи сроки тюремного заключения совпадали по времени с перерывами в сериях убийств II Mostro. Число их достигло девяноста семи.

Пацци забрал себе «альфа-ромео» одного грабителя банков, посаженного в тюрьму, – удобный и быстрый старый автомобиль модели GTV – и, наезжая на этой машине по четыре тысячи миль в месяц, лично навестил девяносто четырех уголовников и допросил их. Остальные либо стали к тому

времени инвалидами, либо уже умерли.

На местах преступлений Монстр не оставлял почти никаких улик, позволивших бы Пацци сузить круг поисков. Ни крови, ни спермы, ни отпечатков пальцев, ничего.

Единственная стреляная гильза была найдена на месте убийства в Импрунете⁶⁹. Гильза была 22-го калибра, от патрона бокового огня типа «винчестер-уэстон», а след от выбрасывателя совпадал с обычным для автоматических пистолетов «кольт». Возможно, это была модель «вудсмэн». Все пули, извлеченные из тел убитых, тоже были 22-го калибра и выпущены из одного и того же ствола. На них не было следов от глушителя, но наличие глушителя все же нельзя было полностью исключать.

Пацци был истинным Пацци и, помимо всего прочего, человеком очень честолюбивым, да к тому же у него была молодая прелестная жена, этакий птенчик, чей клювик был всегда жадно раскрыт. В трудах и заботах Пацци потерял в весе целых двенадцать фунтов. Молодые сотрудники Квестуры в частном порядке отмечали, что он выглядит прямо как Уайл И. Койот⁷⁰.

Когда один остроумный агент полиции вставил в компьютер Квестуры новую программу, с помощью которой поме-

⁶⁹ Импрунета – городок неподалеку от Флоренции.

⁷⁰ Уайл И. Койот (Wile E. Coyote) – герой американских мультфильмов; его имя произносится так же, – Wily Coyote – Хитрый Койот.

нял лица Трех теноров⁷¹ на морды осла, свиньи и козла, Пацци несколько минут не отрываясь смотрел на картинку, чувствуя, как его собственное лицо при этом делает гримасы, напоминая морду осла.

Окно лаборатории в Квестуре было увешано связками чеснока – отгонять нечистого. И вот, наведя последнего из подозреваемых, допросив его и не добившись никакого результата, Пацци в полном отчаянии стоял теперь у этого окна и смотрел наружу, на пыльный двор.

Он думал о своей молодой жене, о ее чудных ножках, вспоминал, как луч солнца падает утром на голую попку... Он вспоминал, как качаются и чуть подпрыгивают ее груди, когда она чистит зубы, и как она смеется, заметив, что он за ней наблюдает. Он представил себе, как она открывает коробку с подарками. Он думал о своей жене исключительно в зрительных образах – от нее дивно пахло, у него возникало такое чудесное ощущение, когда он ее касался, но зрительный образ всегда первым вставал в его памяти.

Он раздумывал над тем, каким бы ему хотелось выглядеть в ее глазах. Несомненно, не таким, как сейчас, – не мишенью для насмешек прессы; флорентийская Квестура располагается в здании бывшей психбольницы, и карикатуристы не упускали случая, чтобы поэксплуатировать этот факт.

Пацци считал, что успех приходит в результате озарения. У него была превосходная зрительная память, и, подобно

⁷¹ Три тенора – Пласидо Доминго, Лучано Паваротти и Хосе Каррерас.

множеству людей, для кого первичным является именно зрение, он ждал такого озарения как результата развития зрительного образа, когда из расплывчатого изображения он превращается в нечто все более и более четкое. Он размышлял точно так, как размышляют многие, пытаюсь найти потерянную вещь: вызывая в памяти образ этой вещи и сравнивая его с тем, что видит, многократно освежая в памяти этот образ и мысленно поворачивая его в пространстве то так, то этак.

Потом внимание публики было отвлечено взрывом рядом с галереей Уффици⁷², да и самого Пацци на некоторое время отвлекли от дела II Mostro.

Но даже пока он занимался этим важным расследованием, связанным с политическим терроризмом, образы, созданные II Mostro, не оставляли его ни на миг. Он все время видел «живописные картины» убийств периферийным зрением, как мы иногда смотрим не прямо на предмет, а чуть мимо него, чтобы различить его в темноте. Особенно часто он вспоминал пару, найденную в кузове пикапа в Импрунете: тела аккуратно уложены Монстром, усыпаны цветами и гирляндами, левая грудь женщины обнажена.

⁷² Галерея Уффици – знаменитая картинная галерея во Флоренции, основана в XVI в.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.